ПАВЕЛ КОЛЯДИН



Похороны человека, которого не было

18+

Павел Колядин

Похороны человека, которого не было

https://litres.ru/74712762
SelfPub; 2026

Аннотация

На похоронах Александра Ратникова собираются люди, которые знали его под разными именами. Для одной женщины он был любимым мужчиной, для другого — братом, для третьего — давним другом. И каждый уверен, что знал настоящего человека.

Вера Левина берётся восстановить биографию покойного, но обнаруживает тайну, которая ставит под сомнение её собственное прошлое.

«Похороны человека, которого не было» — психологический детектив о памяти, чужих жизнях и цене правды. Ведь иногда самое страшное открытие — узнать, что твоя собственная история могла быть придумана кем-то другим.

Содержание

Глава 1. Похороны 4
Глава 2. Три имени 22
Глава 3. Чужой архив 30
Глава 4. Семь лет 57
Глава 5. Человек, который ничего не украл 92
Глава 6. Брат 121
Глава 7. Настоящий брат 157
Глава 8. Хронология 185
Глава 9. Два Александра 213
Глава 10. Не частное дело 240
Глава 11. Свидетели 269
Конец ознакомительного фрагмента. 286

Павел Колядин
Похороны человека, которого не было

Глава 1. Похороны

Вера приехала на двенадцать минут раньше.

Так получалось почти всегда.

Не потому, что она особенно ценила пунктуальность. Просто опоздание оставляло после себя слишком много мелких последствий: необходимость извиняться, выбирать место из оставшихся, здороваться с людьми, которые уже успели объединиться в разговоры. Когда приходишь раньше, пространство еще ничье. Можно посмотреть, понять, где что находится, и занять в нем правильное место.

Перед входом в похоронный дом стояли четыре человека.

Двое курили под навесом. Еще один мужчина медленно ходил вдоль мокрых машин, разговаривая по телефону. Женщина в темном пальто держала перед собой небольшой букет белых хризантем и смотрела на стеклянные двери, словно ждала, что они сами откроются.

Вера выключила двигатель.

На пассажирском сиденье лежала тонкая синяя папка.

Она еще раз посмотрела на первую страницу.

Ратников Александр Сергеевич.

Дата рождения.

Дата смерти.

Шестьдесят семь лет.

Ниже — телефон нотариуса и адрес квартиры, куда Вера должна была приехать после завершения формальностей.

Отдельной строкой:

Архив. Личное распоряжение наследодателя.

Слово «архив» в нотариальных бумагах обычно означало что угодно.

Три коробки фотографий.

Двадцать лет банковских квитанций.

Письма из армии.

Дипломы, трудовые книжки, школьные тетради детей.

Однажды «семейным архивом» оказался пакет из супермаркета, набитый открытками, которые пожилая женщина получала на Новый год с 1973 года. Родственники собирались выбросить его вместе с остальными вещами. Потом внучка передумала, принесла Вере, и через три недели из этих открыток неожиданно возникла почти законченная история семьи: разводы, переезды, исчезнувшие родственники, примирения, поездка человека, которого все считали никогда не выезжавшим дальше области, в Болгарию в восемьдесят восьмом.

Люди редко понимали, сколько о них знают предметы, ко-

торые они считают мусором.

Вера закрыла папку.

Самого Ратникова она никогда не встречала.

Два месяца назад ей написал нотариус. Клиент заранее распорядился после смерти передать специалисту личные документы и фотографии для систематизации. Не публикации. Не книги. Не семейного исследования.

Просто привести в порядок.

Такие заказы Вера любила больше всего.

Мертвые не спорили с результатом.

Она вышла из машины.

Дождь закончился минут десять назад, но с деревьев продолжало капать. На асфальте лежали мокрые листья, некоторые прилипли к подошвам. Вера несколько раз провела ногой по краю бордюра, прежде чем войти.

В холле пахло кофе, мокрой одеждой и цветами.

Сотрудница за небольшим столом подняла голову.

— На Ратникова?

— Да.

— Второй зал, пожалуйста. Налево и до конца.

— Спасибо.

Вера сделала несколько шагов и вернулась.

— Простите. Александр Сергеевич Ратников?

Сотрудница посмотрела в лист перед собой.

— Да. Александр Сергеевич.

Вера кивнула.

Она сама не поняла, зачем переспросила.

Наверное, профессиональная привычка. Когда работаешь с семейными документами, быстро перестаешь доверять именам, написанным один раз. Иван легко оказывается Иоанном, Александр — Алексеем, а Анна Петровна на обороте фотографии через месяц превращается в Анну Павловну, потому что первый человек, подписавший снимок, просто перепутал отчество.

Но здесь ошибаться было особенно негде.

Современные документы.

Нотариус.

Свидетельство о смерти.

Организация похорон.

Все уже проверено без нее.

Второй зал был почти пуст.

Гроб стоял у дальней стены между двумя высокими композициями из белых цветов. Перед ним — несколько рядов стульев.

Вера остановилась у входа.

Ей всегда было неловко смотреть на умерших людей, которых она не знала. Казалось, смерть сама по себе еще не дает постороннему человеку права разглядывать лицо.

Поэтому сначала она посмотрела на фотографию.

Черно-белый портрет стоял справа от гроба.

Мужчина был снят лет на десять моложе. Короткие седые волосы, крупный нос, немного асимметричная улыбка.

Он смотрел чуть мимо камеры, будто фотограф позвал его в неподходящий момент.

Под портретом:

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ РАТНИКОВ

1958–2025

Вера автоматически отметила:

в папке год рождения был тот же.

Она выбрала место с краю, в четвертом ряду.

Не слишком близко.

Не слишком далеко.

Положила папку на колени.

Постепенно люди начали входить.

Их оказалось больше, чем она ожидала.

Не толпа — человек тридцать, может быть тридцать пять. Но они не выглядели как одна группа.

На семейных похоронах почти всегда видно структуру.

Вот близкие.

Вот родственники со стороны жены.

Вот коллеги.

Вот люди, которые давно не встречались и теперь узнают друг друга по лицам.

Здесь структуры не было.

Люди входили по одному или парами, оглядывались, выбирали места в разных частях зала.

Несколько человек явно никого не знали.

Мужчина в дорогом темно-синем костюме сел в первом ряду и ни с кем не поздоровался.

Пожилая пара заняла два места почти у двери.

Девушка лет двадцати пяти принесла одну красную розу.

Женщина в темном пальто, которую Вера видела на улице, прошла прямо к гробу.

Положила хризантемы.

Постояла.

Потом коснулась пальцами края.

— Миша, — сказала она.

Очень тихо.

Но в пустом зале слова далеко разносятся.

Вера подняла глаза.

Женщина не двигалась.

— Ну зачем же так, Миша…

Вера посмотрела на портрет.

Потом снова на женщину.

Миша мог быть прозвищем.

Хотя для Александра — странным.

Но люди называли друг друга как угодно.

Вера отвернулась.

Через несколько минут женщина села в первом ряду. Не рядом с мужчиной в синем костюме — через два кресла от него.

Он бросил на нее короткий взгляд.

Она не ответила.

В зал вошел невысокий полный мужчина с седой бородой.

Остановился так резко, что человек за ним едва не столкнулся с его спиной.

— Господи, — сказал он.

Потом подошел к фотографии.

— Серега…

На этот раз Вера услышала отчетливо.

Она почувствовала небольшое раздражение.

Не тревогу.

Именно раздражение.

Ей всегда мешали несоответствия, которые невозможно сразу исправить.

Она открыла папку.

Ратников Александр Сергеевич.

Закрыла.

Посмотрела на бородатого мужчину.

Тот стоял перед фотографией, вытирая лицо ладонью.

Вера решила, что, возможно, Сергей — отчество или домашнее имя.

Потом вспомнила:

Сергеевич.

Отца могли звать Сергеем.

Иногда сыну действительно передавали отцовское имя как семейное прозвище.

Версия была слабой, но достаточной, чтобы пока не думать об этом.

Она открыла телефон и проверила время.

До начала оставалось четыре минуты.

Рядом кто-то сел.

Молодой мужчина, лет тридцати с небольшим.

— Простите, — сказал он, ставя ноги так, чтобы не задеть ее сумку.

— Ничего.

Он посмотрел на фотографию.

Потом на людей в первых рядах.

— Вы родственница?

— Нет.

— Я тоже.

Он помолчал.

— Работали вместе?

— Нет.

Мужчина улыбнулся.

— Тогда у нас интересная компания.

Вера посмотрела на него.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Я тут никого не знаю.

— Кроме Александра Сергеевича?

Улыбка исчезла.

— Кого?

Вера не успела ответить.

В зал вошла сотрудница похоронного дома и попросила

всех занять места.

Мужчина рядом нахмурился, но тоже повернулся вперед.

Вера почувствовала, как внутри медленно начинает собираться знакомое ощущение.

Не страх.

Рабочее внимание.

Так бывало, когда документы сначала казались обычными, а потом в двух свидетельствах о рождении обнаруживались разные даты.

Или когда человек, официально умерший в 1979 году, присылал сестре открытку в 1981-м.

Сначала всегда существует простое объяснение.

Ошибка.

Описка.

Совпадение.

Дальше нужно только найти, где оно спрятано.

Сотрудница сказала несколько нейтральных слов.

После нее выступил мужчина в синем костюме.

Он представился Олегом.

Фамилию Вера не расслышала.

— Александр Сергеевич был человеком, который редко рассказывал о себе, — сказал он. — Но всегда умел слушать других.

Вера почти незаметно улыбнулась.

На похоронах люди удивительно часто говорили именно это.

Умерший либо умел слушать, либо любил жизнь, либо никогда не жаловался.

Будто существовал специальный набор разрешенных характеристик.

Олег говорил недолго.

Из его слов следовало, что они были знакомы по работе.

Чем именно занимался Александр, он не пояснил.

После него поднялся другой мужчина.

Бородатый.

Тот самый, который называл покойного Серегой.

— Я не готовился, — сказал он. — Вообще не думал, что придется что-то говорить.

Он посмотрел на гроб.

Долго молчал.

— Он был мне братом.

Вера подняла голову.

Мужчина сглотнул.

— Наверное, этого достаточно.

И сел.

По залу прошло едва заметное движение.

Люди переглянулись.

Особенно женщина с хризантемами.

Она повернулась к соседке и что-то быстро сказала.

Та посмотрела на бородатого.

Вера почувствовала, как молодой мужчина рядом с ней чуть подался вперед.

— Интересно, — прошептал он.

Вера ничего не ответила.

Потому что впервые с начала церемонии ей стало по-настоящему интересно тоже.

Ни в нотариальных документах не было указано братьев.

Впрочем, это ничего не значило.

Наследственные документы могли не включать полный состав семьи.

Следующей неожиданно поднялась женщина с хризантемами.

— Я тоже не готовилась.

Голос у нее был хриплый.

— Я вообще узнала только вчера.

Она смотрела не на собравшихся.

На фотографию.

— Мы с Мишей прожили семь лет.

В первом ряду кто-то резко повернулся.

Женщина продолжила:

— Потом разошлись. Давно. Почти двадцать лет назад. Но…

Она замолчала.

Прижала пальцы к губам.

— В общем, простите.

И быстро села.

В зале стало очень тихо.

Даже сотрудница у стены изменилась в лице.

Бородатый мужчина смотрел на женщину.
Не с удивлением.
С раздражением.
Будто она сказала что-то оскорбительное.
Он наклонился к ней через пустое кресло.
— Простите, а вы о ком сейчас?
Женщина повернулась.
— Что?
— О ком вы говорите?
— О Михаиле.
Он показал на гроб.
— Это Сергей.
Теперь несколько человек заговорили одновременно.
Тихо, но сразу со всех сторон.
Сотрудница похоронного дома сделала шаг вперед.
— Давайте, пожалуйста…
— Подождите, — сказала женщина.
Она уже не плакала.
Смотрела на бородатого очень внимательно.
— Вы кто?
— Павел.
— Я спрашиваю, кем вы ему приходитесь?
— Брат.
Женщина усмехнулась.
Коротко и зло.
— У Миши не было брата.

Павел встал.

— А у Сергея не было никакой Марины.

Она тоже поднялась.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

Несколько секунд никто не говорил.

Павел сам растерялся.

— Вы сказали…

— Я не говорила.

Она действительно не говорила.

Вера это помнила.

Потому что тоже не знала имени женщины.

Мужчина рядом тихо выдохнул:

— Вот теперь интересно.

Сотрудница наконец вмешалась.

— Пожалуйста. Давайте продолжим церемонию, а все вопросы…

— Какие вопросы? — Марина показала на фотографию. — Это мой бывший муж.

— Он никогда не был женат, — сказал кто-то из второго ряда.

Теперь повернулись уже все.

Говорила пожилая женщина в сером платке.

— Я Андрея знала тридцать лет. Он никогда не был женат.

Марина посмотрела на нее.

— Кого?

— Андрея.

Павел медленно сел.

Кто-то сзади нервно засмеялся.

Не потому, что было смешно.

Просто иногда человеческому организму нужно чем-то заполнить паузу.

Вера достала из сумки ручку.

Положила папку на колени.

На чистом листе написала:

Александр Ратников.

Ниже:

Михаил — Марина — 7 лет совместной жизни.

Еще ниже:

Сергей — Павел — брат.

И:

Андрей — знакомство минимум 30 лет.

Она поставила ручку рядом.

Посмотрела на записи.

Три имени.

Один гроб.

Первой возможностью по-прежнему оставалась ошибка.

Только теперь Вера не могла понять, где именно она произошла.

Церемонию кое-как закончили.

Люди не расходились.

Наоборот.

Небольшими группами собирались прямо в зале и в ко-

ридоре.

Разговоры становились все громче.

Вера стояла у стены, наблюдая.

Марина что-то показывала Павлу на телефоне.

Он смотрел, потом увеличивал изображение пальцами.

На его лице постепенно исчезала злость.

Оставалось только непонимание.

Вера подошла ближе.

Марина заметила ее.

— Вы были с ним знакомы?

— Нет.

— Тогда почему все записываете?

— Я занимаюсь его архивом.

Это подействовало моментально.

Павел поднял голову.

— Каким архивом?

— Личные документы. Фотографии.

— У Сергея был архив?

Марина одновременно спросила:

— У Миши сохранились фотографии?

Вера посмотрела сначала на одного, потом на другую.

— Судя по всему, да.

Марина несколько секунд колебалась.

Потом протянула телефон.

— Посмотрите.

На экране была фотография.

Лето.

Море.

Женщина значительно моложе нынешней Марины сидит за пластиковым столиком.

Рядом мужчина.

Загорелый.

В светлой рубашке с короткими рукавами.

Он смеется, запрокинув голову.

Лицо видно прекрасно.

Вера перевела взгляд на траурный портрет.

Тот же крупный нос.

Та же линия подбородка.

То же левое ухо, немного оттопыренное сильнее правого.

— Это Михаил, — сказала Марина. — Две тысячи третий год.

Павел наклонился ближе.

— Это Сергей.

— Вы издеваетесь?

— Нет.

Он достал собственный телефон.

Несколько движений.

Показал фотографию.

Новогодний стол.

Тот же мужчина, немного моложе.

Стоит за креслом пожилой женщины, положив ей руки на плечи.

— Две тысячи второй, — сказал Павел. — Наша мать.
Марина взяла телефон.
Побледнела.
— Нет.
— Что «нет»?
— В две тысячи втором он жил со мной.
Вера взяла телефон у Павла.
Сравнила снимки.
На одном мужчина был чуть полнее.
На другом короче подстрижен.
Но это был он.
Сомнений практически не оставалось.
— Есть оригиналы? — спросила Вера.
Павел посмотрел на нее.
— Чего?
— Фотографий.
— Где-то есть.
— Мне понадобятся.
Марина резко убрала свой телефон.
— Зачем?
Вера уже собиралась объяснить.
Но женщина вдруг посмотрела на нее иначе.
Словно только сейчас вспомнила первый вопрос.
— Подождите.
— Что?
— А вы кто?

— Я сказала. Работаю с архивом.

— Нет. Я не об этом.

Марина внимательно разглядывала Веру.

— Кем вы ему приходитесь?

Вера почти машинально ответила:

— Никем.

За спиной кто-то снова произнес имя Андрей.

В другом конце коридора человек сказал:

— Он же доктором работал.

Павел резко повернулся:

— Какой еще доктор?

Разговоры вспыхнули сразу в нескольких местах.

Вера отошла к двери зала.

Через нее было видно фотографию покойного.

Черно-белое лицо.

Небольшая асимметричная улыбка.

Спокойный взгляд человека, которого все присутствующие, кажется, знали значительно лучше нее.

И ни один — одинаково.

Вера снова посмотрела на табличку под фотографией.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ РАТНИКОВ.

Она достала ручку.

Вернулась к листу.

После третьего имени оставила несколько пустых строк.

И впервые подумала, что их может не хватить.

Глава 2. Три имени

Вера не сразу завела двигатель.

Дворники медленно смахивали дождь, но стекло тут же снова мутнело, будто снаружи кто-то постоянно возвращал воду обратно.

Она сидела неподвижно и смотрела на папку на пассажирском сиденье.

Один человек.

Одна жизнь.

Фраза, которая обычно не требовала доказательств.

Теперь требовала.

Телефон снова завибрировал.

Сообщение от Дениса:

«Я отправил фото в наш чат. У нас есть еще один человек, который его узнал. Пишет, что он не Соколов. И не Лавров. Он вообще не из нашей компании.»

Вера прочитала дважды.

Потом медленно отложила телефон.

— Конечно, — тихо сказала она вслух. — Почему бы и нет.

Она выехала с парковки.

Дорога до квартиры заняла двадцать семь минут.

За это время она успела прослушать запись разговора с нотариусом еще раз — уже не для проверки, а как будто пы-

таясь уловить интонацию, скрытую между словами.

«…подлинной биографии владельца…»

Слово «подлинной» начинало звучать почти издевательски.

Дом оказался старым, но ухоженным — из тех, где подъезд не пахнет ни бедностью, ни богатством, а только привычкой к порядку.

Консьерж молча протянул ключи.

— Левина?

— Да.

— Пятый этаж. Лифт работает.

Он не спросил, кто умер.

Это было удобно.

В квартире было тихо.

Слишком тихо для места, где кто-то жил до недавнего времени.

Вера закрыла за собой дверь и на секунду просто стояла, не двигаясь.

Потом сняла перчатки.

Прошла в коридор.

Никаких фотографий на стенах.

Никаких мелочей на тумбочке.

Только аккуратно сложенная обувь.

Слишком аккуратно.

Как в гостинице.

Она открыла первую дверь слева.

Гостиная.
Пустая.
Не в смысле «минимализм».
В смысле — вычищенная.
Диван, стол, закрытый шкаф.
Ни одной случайной вещи.
Вера медленно провела пальцем по поверхности стола.
Пыль была.
Значит, не уборка перед смертью.
Значит, так было всегда.
Она открыла шкаф.
Папки.
Много.
Одинаковые.
Подписанные.
Без эмоций.
Только даты и короткие коды.
Вера вытащила одну.
Открыла.
Внутри — копии документов.
Паспорт.
Старый.
Фотография другая.
Не тот человек, которого она видела в гробу.
Она замерла.
Потом открыла следующую папку.

Там — другой паспорт.

Другая фамилия.

Другая дата рождения.

Вера медленно выдохнула.

— Нет, — сказала она тихо. — Это уже не ошибка.

Телефон зазвонил.

Марина.

Вера не сразу ответила.

— Да.

— Вы уже там?

— Да.

— И?

Пауза.

Вера посмотрела на папки.

— Здесь нет человека, которого вы знали.

Молчание.

Потом Марина резко:

— Что это значит?

— Это значит, что у него было больше документов, чем у одного человека может быть.

— Вы шутите?

— Нет.

Снова тишина.

И уже тише:

— Он там?

Вера оглянулась.

— Физически — да.

— Я не это спрашиваю.

Вера закрыла папку.

— Я пока не знаю, кто он.

Марина выдохнула так, будто это было хуже любого ответа.

— Я приеду.

— Нет.

— Вера…

— Нет.

И Вера впервые сама удивилась тому, как твердо это прозвучало.

Она отключила звонок.

Положила телефон на стол.

И только тогда заметила вторую дверь.

В спальню.

Она открыла ее медленно.

Комната была почти пустой.

Кровать.

Шкаф.

И стол у окна.

На столе — ноутбук.

Старый.

Не выключен.

Экран погас, но индикатор питания мигал.

Вера подошла ближе.

Села.

Открыла крышку.

Пароль.

Разумеется.

Она не стала пробовать очевидные варианты.

Не даты.

Не имена.

Не «Ратников».

Она просто смотрела на экран.

И вдруг заметила маленькую наклейку на нижней панели ноутбука.

Почти стертая.

Три буквы.

V.L.

Вера замерла.

Потом медленно ввела:

VeraLevin

Ошибка.

Она попробовала иначе.

VeraL

Экран моргнул.

И открылся.

Вера не сразу поняла, что именно она видит.

Папки.

Снова.

Но не документы.

А названия файлов.

Соколов_А.

Лавров_С.

Орлов_М.

И еще.

Много.

Слишком много.

Она открыла первый файл.

Это был не документ.

Это была биография.

Написанная в третьем лице.

Сухо.

Точно.

Как отчет.

«Андрей Соколов. Версия 3.2. Подтвержденные контакты: 14. Уровень устойчивости легенды: высокий.»

Вера откинулась на спинку стула.

— Легенды… — повторила она.

Телефон снова завибрировал.

Сообщение от Дениса:

«Вера, у нас проблема. Человек, который его узнал, говорит, что он работал не только под разными именами. Он работал в разных городах одновременно.»

Вера медленно закрыла глаза.

Потом открыла.

Посмотрела на экран ноутбука.

И поняла, что самое странное в этой квартире — не количество имен.

А то, что кто-то заранее описал их все.

И назвал это биографией.

Глава 3. Чужой архив

Ключи Вера получила на следующий день.

Нотариус передал их в маленьком прозрачном пакете вместе с актом доступа и копией описи имущества.

— Квартира опечатана? — спросила Вера.

— Нет. Ограничений нет. Александр Сергеевич заранее оформил право доступа к архиву.

— Именно мне?

— Да.

— Когда?

Нотариус посмотрел в бумаги.

— Последнее распоряжение — четыре месяца назад.

— Он тогда уже знал о диагнозе?

— Судя по медицинским документам, да.

— И лично указал мое имя.

— Полностью. Вера Андреевна Левина.

Он сказал это так, будто фамилия должна была что-то объяснить.

Не объясняла.

— Вы спрашивали, почему именно я?

— Нет.

— Не показалось странным?

Нотариус пожал плечами.

— В моей профессии люди часто оставляют распоряже-

ния, которые окружающим кажутся странными.

— А вам?

— Мне оплачивают не удивление.

Вера почти улыбнулась.

— Еще что-нибудь?

Он подвинул второй пакет.

— Здесь карта доступа в дом. Ключ от квартиры. Ключ от кабинета. Отдельно — расписка о конфиденциальности.

— Обычная?

— Не совсем.

Вера прочитала.

Текст был коротким.

Она получала право изучать, систематизировать и копировать документы, необходимые для установления биографии владельца архива, но не имела права раскрывать персональные данные третьих лиц без отдельного основания.

— Он сам это сформулировал?

— С юристом.

— Значит, знал, что в архиве будут чужие данные.

— Судя по документу — да.

— Много?

— Я внутрь архива не заглядывал.

Вера подписала.

Уже у двери нотариус сказал:

— Вера Андреевна.

Она обернулась.

— Александр Сергеевич приходил сюда дважды.

— И?

— В первый раз оформил все быстро. Во второй вернулся через неделю и изменил одну формулировку.

— Какую?

Нотариус перелистнул копию распоряжения.

— Было: «для систематизации личного архива».

Пауза.

— Стало: «для установления и систематизации подлинной биографии владельца».

Вера посмотрела на него.

— «Подлинной».

— Да.

— Он специально добавил это слово?

— Насколько я помню, именно из-за него и вернулся.

— Почему?

— Не объяснил.

Вера взяла ключи.

Теперь формулировка нравилась ей еще меньше.

Дом находился в тихом переулке недалеко от Садового.

Не элитный.

Но дорогой.

Старый фасад, отреставрированный подъезд, консьерж, который слишком хорошо знал жильцов и слишком мало говорил о них.

— К Александру Сергеевичу? — спросил он.

— Да.
— Родственница?
— Нет.
— Понятно.
Судя по интонации, понятно ему не было ничего.
Вера показала документы.
Мужчина долго смотрел.
Потом кивнул.
— Он предупреждал.
— О чем?
— Что после его смерти придет женщина.
Вера почувствовала раздражение раньше интереса.
— Имя называл?
— Нет.
— Как описал?
Консьерж задумался.
— Сказал: «Поймете».
— Очень удобно.
— Я тоже так сказал.
— И что он?
Мужчина усмехнулся.
— Ничего. Улыбнулся.
Вера вошла в лифт.
На третьем этаже поймала себя на нелепой мысли:
она впервые идет в квартиру человека, который знал, что однажды она сюда придет.

Это ощущалось почти как приглашение.

Хотя хозяин был мертв.

Она не любила, когда мертвые заранее организовывали поведение живых.

Архивы и без того слишком часто давали покойным последнюю власть.

Квартира оказалась почти безличной.

Серые стены.

Светлое дерево.

Минимум мебели.

Никаких фотографий в рамках.

Никаких сувениров.

Никаких книг, расставленных так, чтобы объяснить владельца гостю.

Гостиная.

Кухня.

Спальня.

Кабинет.

Все аккуратно.

Не стерильно.

Просто без желания быть прочитанным.

Вера сняла пальто и остановилась посреди комнаты.

Первое правило работы с чужим архивом:

не начинать с самого интересного.

Сначала пространство.

Как человек хранил вещи.

Что считал важным.
Что держал рядом.
Что прятал.
Она прошла квартиру по часовой стрелке.
Кухня.
Две кружки.
Четыре тарелки.
Хорошие ножи.
Холодильник почти пустой.
В морозилке контейнеры с едой, подписанные датами.
Последний — за три недели до смерти.
Спальня.
Один шкаф.
Одежды мало.
Три костюма.
Много рубашек.
Несколько одинаковых темных брюк.
В нижнем ящике — дорожные сумки.
Разного размера.
Все собраны.
В одной лежал стандартный набор:
зарядка;
зубная щетка;
аптечка;
бритва;
адаптер;

маленький блокнот;

ручка.

Человек, готовый уехать быстро.

Это могло ничего не значить.

Многие много путешествуют.

Вера закрыла.

В ванной — две марки зубной пасты.

Разные бритвы.

Она замерла.

Потом посмотрела внимательнее.

Вторая бритва старая.

Могла лежать годами.

Не нужно превращать бытовой мусор в доказательство второй жизни.

Она вышла.

Кабинет был заперт.

Ключ подошел.

И вот здесь квартира закончилась.

Начался архив.

Три стены занимали шкафы.

На четвертой — длинный стол.

Два монитора.

Ноутбук.

Сканер.

Отдельный принтер.

Сейф.

На полу — коробки.
Не десятки.
Сотни.
Большинство подписаны кодами.
Некоторые фамилиями.
Часть просто годами.
1988–1991
1994
2001–2003
Север
Мед
Личные
Закрытые
Вера не двигалась несколько секунд.
Вот это уже было похоже на профессиональную систему.
Не на домашний архив.
На рабочий.
Она подошла к ближайшему шкафу.
Папки стояли по номерам.
На корешках:
001
002
003
и дальше.
До сорока с лишним в первом ряду.
На втором начинались буквенные обозначения.

Вера провела пальцем по корешкам.

Не открыла.

Сначала компьютер.

Цифровая структура часто объясняет физическую.

Ноутбук оказался выключен.

На крышке маленькая белая наклейка.

Только две буквы:

V.L.

Вера нахмурилась.

Можно было предположить, что это не ее инициалы.

Но после нотариуса вероятность совпадения быстро уменьшалась.

Она открыла ноутбук.

Пароль.

Подсказка отсутствовала.

Вера несколько секунд смотрела.

Потом набрала:

VL

Отказ.

VeraLevina

Отказ.

Глупо.

Если Александр действительно готовил архив для нее, пароль не должен быть сложной головоломкой.

Она посмотрела на наклейку снова.

V.L.

Две буквы.
Может быть, дата рождения?
Имя?
Она попробовала свои инициалы в русской раскладке.
ВЛ
Отказ.
Потом год рождения.
Отказ.
Вера раздраженно отодвинула ноутбук.
Не будет она играть с мертвым человеком в загадки.
Позвонит нотариусу.
И тут заметила под наклейкой едва различимую царапину.
Как будто наклейку переклеивали.
Она поддела край ногтем.
Под ней была еще одна.
Старая.
На ней:
не усложняй
Вера смотрела несколько секунд.
Потом тихо сказала:
— Очень смешно.
Она ввела:
VL1987
Отказ.
Vera
Отказ.

Levina

Отказ.

Не усложняй.

Что мог знать о ней Александр?

Имя.

Профессию.

Возможно, дату рождения.

Инициалы.

Она попробовала:

V.L.

Точка между буквами.

Экран открылся.

Вера откинулась на спинку стула.

— Ненавижу вас.

Рабочий стол был почти пустым.

Три папки:

ARCHIVE

WORK

PERSONAL

И текстовый файл:

ДЛЯ В.Л.

Вера не открыла его.

Специально.

Сначала структура.

Если начать с личного послания, все дальнейшее будет прочитано через авторскую рамку.

Она открыла **ARCHIVE**.

Двадцать семь папок.

Некоторые — фамилии.

Некоторые — имя и инициал.

ОРЛОВ_М

ЛАВРОВ_С

СОКОЛОВ_А

ГРАЧЕВ_А

МЕЛЬНИКОВ_И

Другие:

DUBLE

CONTACTS

MED

DOCS

CLOSED

Вера медленно прокрутила.

Папки **РАТНИКОВ** не было.

АЛЕКСАНДР тоже.

Это было первым настоящим несоответствием.

Если человек завещает архив для установления собственной биографии, логично ожидать хотя бы один каталог с собственным именем.

Здесь его не существовало.

Она открыла **СОКОЛОВ_А**.

Внутри — файлы.

Фото.

Сканы документов.
Таблицы.
Текстовый документ:
Андрей Соколов. Версия 3.2
Вера открыла.
Первая страница выглядела как анкета.
Имя: Андрей Соколов
Возраст:
Образование:
Работа:
Места проживания:
Семейное положение:
Потом странные поля:
Подтвержденные контакты: 14
Уровень устойчивости легенды: высокий
Вера перечитала слово.
Легенды.
Оно имело профессиональный смысл.
Оперативная легенда.
Прикрытие.
Вымышленная биография.
Но могло использоваться и иначе.
В корпоративной безопасности.
В ролевой реконструкции.
В частных расследованиях.
Она не стала делать вывод.

Ниже:

Критические точки: отсутствие школьных контактов; разрыв 1982–1987; семейный блок не требуется.

Еще ниже:

Контрольные лица:

несколько имен.

Одно знакомое.

Денис Ковалев.

Вера остановилась.

Тот самый Денис с похорон?

Она открыла фотографию.

Да.

Моложе.

Рядом Александр.

Подпись:

Соколов / Д.К. / 2014

Дальше:

Статус контакта: естественный.

Дополнительное подтверждение не требуется.

Вера почувствовала первое неприятное движение.

Не потому, что файл подтверждал другую личность.

Это она уже видела на похоронах.

Потому что язык был не языком человека, который описывает свою жизнь.

Так не пишут о друзьях.

Не пишут:

контакт естественный.

Не пишут:

семейный блок не требуется.

Не оценивают собственную биографию по уровню устойчивости.

Это был документ конструктора.

Вера открыла **ОРЛОВ_М**.

Михаил Викторович Орлов. Версия 5.1.

Статус: закрыт.

Больше.

Сложнее.

Адреса.

Работа.

Привычки.

Медицинские сведения.

Люди.

И снова:

Уровень устойчивости: высокий.

Вера почувствовала желание немедленно открыть раздел «Близкий круг».

Не стала.

Марина должна была сначала рассказать сама.

Иначе любой вопрос будет заражен файлом.

Она закрыла.

ЛАВРОВ_С.

Сергей.

Павел.
Тоже потом.
Она открыла **DOCS**.
Там было хуже.
Сканы паспортов.
Трудовые.
Водительские удостоверения.
Дипломы.
Свидетельства.
Не только Александра.
Десятки людей.
Некоторые документы явно старые.
Некоторые — современные.
Вера пролистала список.
Один паспорт привлек внимание датой.
Выдан двенадцать лет назад.
Мужчина на фотографии — около пятидесяти.
Фамилия незнакомая.
Она машинально проверила через открытые источники.
Человек с такими ФИО умер пятнадцать лет назад.
Вера остановилась.
Снова проверила.
Дата рождения совпадала.
Место рождения.
Редкая фамилия.
Официальная смерть — за три года до выдачи этого пас-

порта.

Она открыла изображение в полном размере.

Паспорт выглядел настоящий.

По крайней мере визуально.

Фотография сделана позже смерти.

Это было физически невозможно.

Или документ поддельный.

Или данные умершего использованы другим человеком.

Или официальный источник ошибается.

Вера записала номер паспорта.

Не стала проверять дальше через неофициальные базы.

Пока достаточно.

Она открыла свойства файла.

Создан:

семь лет назад.

Автор:

GA

Г.А.

Снова.

Кто бы это ни был.

Вера закрыла папку.

Теперь происходящее перестало быть историей одного мужчины с несколькими любовницами и фамилиями.

Даже очень сложный мошенник не хранит систематизированные паспорта людей, официально умерших раньше выдачи документов.

Она открыла **CONTACTS**.

Сотни имен.

У каждого:

роль;

период;

уровень информированности;

риск контакта.

Вера прочитала несколько строк.

Н.И. — знает частично.

П.Л. — не информирован.

М.О. — информирование не требуется.

Г.А. — полный доступ.

Марина Орлова?

Павел Лавров?

Если да, система буквально классифицировала людей по тому, сколько они знают.

Вера встала.

Прошла к окну.

На улице мужчина выгуливал маленькую белую собаку.

Женщина парковалась.

Обычный день.

В кабинете лежали десятки чужих идентичностей.

И вдруг очень захотелось, чтобы все оказалось театром.

Ролевой игрой.

Исследовательским проектом.

Романом, который умерший писал двадцать лет.

Любой вариант, где люди в документах не жили внутри выдуманных биографий.

Телефон завибрировал.

Марина.

«Я могу сегодня после пяти.»

Вера ответила:

«Да. В шесть?»

«Хорошо.»

Она закрыла ноутбук.

Нет.

Сначала еще одно.

Папка **WORK**.

Внутри оказались таблицы расходов.

Командировки.

Платежи.

Аренда помещений.

Услуги фотографов.

Типографии.

Переводчики.

Юристы.

Медицинские консультации.

Актеры.

Вера остановилась на последнем.

Актеры.

Отдельный файл:

visual_support

Внутри семь профилей мужчин.
Фотографии.
Рост.
Вес.
Цвет глаз.
Размер одежды.
Навыки.
Города.
Некоторые были похожи на Александра.
Не близнецы.
Но достаточно, чтобы на плохой фотографии ошибиться.
Вера почувствовала, как сердце ускорилось.
Открыла первый.
D1
Другой мужчина.
D2
Похож.
D3
Нет.
D4
Очень похож в профиль.
D6
Почти пугающе.
Она закрыла.
Не сейчас.
В противном случае весь день уйдет на одну ветку.

Но теперь она знала:
двойники существовали.
И это было уже не предположение.
Вера открыла папку **PERSONAL**.
Почти пусто.
Медицинские документы.
Свидетельство о рождении.
Несколько фотографий молодого Александра.
Военный билет.
Документы на квартиру.
И файл:
V.L.
Она долго смотрела.
Вот теперь можно.
Открыла.
Обычный текст.
Три строки.
Вера Андреевна.
Если вы это читаете, значит, я не успел или не смог объяснить сам. Не доверяйте именам. Не доверяйте порядку папок. И особенно не доверяйте версии, которая первой объяснит все.
Начните с людей.
Вера перечитала.
Потом еще раз.
Раздражение вернулось мгновенно.

— Конечно.

Мертвый человек заранее предупреждал ее не верить удобному объяснению.

Это было почти неприлично.

Она проверила свойства файла.

Создан пять месяцев назад.

Изменен четыре.

Примерно тогда же, когда обновлено нотариальное распоряжение.

Никаких других сообщений.

Никаких признаний.

Никакого «простите».

Только инструкция.

Начните с людей.

Вера закрыла файл.

Она и собиралась.

Не потому, что Александр велел.

Потому что так правильно.

Перед уходом она решила осмотреть физические коробки.

Не читать.

Только понять систему.

Первые совпадали с цифровыми каталогами.

Орлов.

Лавров.

Соколов.

Грачев.
Другие фамилии.
Некоторые ей ничего не говорили.
В коробках — фотографии, письма, копии документов.
У нескольких на крышке был штамп:
ЗАКРЫТО.
На одной:
НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ.
Странная формулировка.
Не «закрыто».
Не «архив».
Именно:
не возвращаться.
Вера не открыла.
На нижней полке лежала небольшая коробка без номера.
Только буквы:
V.L.
Она замерла.
Снова.
Открыла.
Внутри — ничего.
Почти.
Один старый ключ.
Без подписи.
И фотография лицевой стороной вниз.
Вера перевернула.

Молодая женщина.

Мужчина.

Ребенок.

Снимок выцвел.

Лицо мужчины частично закрыто солнечным бликом.

Женщина была похожа на мать.

Очень.

Но моложе, чем Вера ее помнила.

Ребенок — девочка лет четырех или пяти.

Не Вера.

По крайней мере так ей показалось сразу.

Дата на обороте:

июль 2004.

Невозможно.

Вере тогда было восемнадцать.

Значит, не она.

Подпись:

«Лена, Миша, Марина.»

Вера перечитала.

Лена.

Миша.

Марина.

Слишком много знакомых элементов в одной случайной фотографии.

Она заставила себя не строить версию.

Женщина могла быть другой Леной.

Ребенок — другой.

Миша — Михаил Орлов.

Марина — та самая Марина.

Но если да, почему коробка помечена ее инициалами?

Она проверила.

Может, V.L. означает что-то другое.

Код проекта.

Название места.

Чьи-то инициалы.

Нельзя считать автоматически.

Она убрала фотографию обратно.

Ключ оставила.

Не трогать до понимания.

Это правило удержалось секунд десять.

Потом Вера сфотографировала обе стороны снимка на телефон.

Не для выводов.

Для сохранности.

Конечно.

В кафе она пришла раньше Марины на двадцать минут.

Села у стены.

Открыла блокнот.

До посещения квартиры у нее было три вопроса.

Кто был Александр?

Почему у него несколько имен?

Кто из людей на похоронах ошибается?

Теперь третий вопрос пришлось зачеркнуть.

Похоже, никто.

И от этого задача становилась хуже.

Она написала новые.

Почему биографии описаны как версии?

Кто такой Г.А.?

Зачем система классифицирует людей по степени информированности?

Почему существуют двойники?

Почему паспорт выдан после официальной смерти владельца?

И последнее:

Почему V.L.?

Вера посмотрела на страницу.

Ни одного хорошего ответа.

Это было нормально.

Хороший архив редко дает ответ первым.

Он сначала ухудшает вопрос.

В шесть без двух вошла Марина.

Остановилась возле двери.

Увидела Веру.

Подошла.

Сегодня она выглядела совсем иначе, чем на похоронах.

Не вдова.

Не женщина, которая только что услышала, что ее умершего мужчину кто-то называл братом.

Просто усталая женщина пятидесяти с лишним лет.

Села напротив.

— Вы нашли что-то?

Вера закрыла блокнот.

Перед глазами стоял файл:

Михаил Викторович Орлов. Версия 5.1.

Статус:

закрыт.

Она могла начать с него.

Сказать:

я нашла документ, где ваши семь лет называются моделью.

Но тогда Марина будет всю встречу отвечать не о Михаиле.

О файле.

Александр оставил одну полезную инструкцию.

Начать с людей.

Вера посмотрела на Марину.

— Пока только вопросы.

— У меня тоже.

— Тогда давайте по очереди.

Марина кивнула.

— Хорошо.

Вера открыла чистую страницу.

— Расскажите, как вы познакомились с Михаилом.

И впервые за день не посмотрела ни в один документ.

Глава 4. Семь лет

Марина заказала чай и не притронулась к нему.

Вера открыла блокнот на чистой странице.

Ноутбук Александра остался в квартире.

Вместе с папкой **ОРЛОВ_М**, документом **«Михаил Викторович Орлов. Версия 5.1»** и формулировками, которые Вера пока сознательно не хотела знать наизусть.

Статус: закрыт.

Уровень устойчивости: высокий.

Если она начнет с этого, разговор закончится раньше, чем начнется.

— Расскажите, как вы познакомились с Михаилом.

Марина посмотрела на нее.

— Я думала, вы уже что-то нашли.

— Нашла.

— Что?

— Сначала хочу услышать вас.

— Почему?

— Потому что если я скажу, что лежит в архиве, вы начнете вспоминать с учетом того, что услышали.

— А сейчас я вспоминаю правильно?

— Нет. Но хотя бы самостоятельно.

Марина усмехнулась.

— Удобная профессия.

— Иногда.

Она наконец взяла чашку.

— Двадцать третьего мая две тысячи первого года.

Вера подняла глаза.

— Точно?

— Абсолютно.

— Почему помните?

— У Антона был день рождения двадцать второго. На следующий день я поехала менять ему кроссовки.

— Антону тогда было?

— Девять.

— И встретили Михаила.

— Да.

— Где?

— В магазине.

— Романтично.

— Ужасно.

Марина впервые улыбнулась.

— Он спорил с продавцом.

— Из-за чего?

— Купил куртку, потом обнаружил дома, что ему оставили магнитную бирку. Вернулся. Продавец решил, что он сам что-то сделал.

— И?

— Миша разговаривал с ним минут десять.

— Кричал?

— Нет.

— Угрожал?

— Нет.

— Что тогда запомнилось?

Марина задумалась.

— Продавец сначала был уверен, что перед ним мошенник. А через десять минут уже извинялся и предлагал скидку.

— Михаил убедил его?

— Не совсем.

— А?

— Сделал так, что тот сам решил, что ошибся.

Вера записала.

— Как?

— Не помню.

— Попробуйте.

— Спрашивал. Где висела куртка. Кто пробивал. Как выглядит система. Может ли кассир снять одну бирку и не заметить вторую.

Марина пожала плечами.

— Обычный разговор.

Не совсем обычный.

Вера знала людей, которые убеждали утверждениями.

Другие убеждали уверенностью.

Третьи — давлением.

Если Марина помнила правильно, Михаил убеждал во-

просами.

— Вы вмешались?

— Засмеялась.

— Над ним?

— Над продавцом. Миша вышел, сказал: «Видите, теперь человек весь день будет думать, что это он виноват».

— И?

— Я сказала: «А не он?»

— Михаил?

— «Понятия не имею».

Марина снова улыбнулась.

— Вот так и познакомились.

— Он попросил телефон?

— Нет.

— Вы?

— Я.

— Почему?

— Понравился.

Ответ был настолько простой, что Вера не стала уточнять.

— Кем он представился?

— Михаилом Орловым.

— Сразу?

— Конечно.

— Полное имя?

— Михаил Викторович.

— Где жил?

— Калининград.

— Чем занимался?

— Логистикой.

— Конкретнее?

— Перевозки. Складские цепочки. Иногда какие-то сложные поставки.

— Компания?

Марина назвала.

Вера записала.

Название уже было в архиве.

— Вы видели его там?

— Да.

— Коллег?

— Да.

— Была корпоративная почта?

— Конечно.

— Зарплата?

Марина нахмурилась.

— Я не проверяла расчетный лист человека, с которым встречалась.

— Вы жили вместе.

— Потом.

— Общий бюджет?

— Частично.

— Счета?

— Отдельные.

Вера кивнула.

Все это можно проверить позже.

— Когда он переехал к вам?

— Осенью две тысячи первого.

— Быстро.

— Очень.

— Кто предложил?

— Не помню.

— Это важно.

— Почему?

— Пока не знаю.

Марина несколько секунд смотрела на нее.

— Наверное, я.

— Почему?

— Потому что у меня был ребенок, работа и ощущение, что если человек три раза в неделю остается ночевать, нет смысла изображать две отдельные квартиры.

— У Михаила была своя?

— Снимал.

— Вы там бывали?

— Несколько раз.

— Что запомнили?

— Почти ничего.

— Почему?

— Там почти ничего и не было.

Вера перестала писать.

— В каком смысле?
— Кровать. Стол. Одежда. Посуда. Он будто не жил там.
Похоже на квартиру Александра.
Только там человек прожил гораздо дольше.
— Фотографии?
— Нет.
— Книги?
— Немного.
— Личные вещи?
— Что вы ищете?
— Пока ничего.
— Врете.
Вера подняла глаза.
Марина смотрела спокойно.
— Вы уже что-то знаете про его квартиры?
— Про одну.
— Какую?
— Ту, в которой он жил перед смертью.
— И?
— Похожа на ваше описание.
Марина кивнула так, будто это не удивляло.
— Миша вообще легко уезжал.
— Часто?
— Да.
— По работе?
— Так говорил.

— Куда?

— Москва. Петербург. Иногда Нижний. Несколько раз за границу.

— Вы проверяли?

— Нет.

— Никогда?

— Вера.

— Да?

— Вы с кем-нибудь жили?

Вопрос застал ее врасплох.

— Это имеет значение?

— Я просто пытаюсь понять, нормально ли для вас проверять билеты человека, когда он говорит, что едет в командировку.

— В моей работе — да.

— А в жизни?

Вера ничего не сказала.

Марина кивнула.

— Вот.

Первые два года, по ее словам, были обычными.

Это слово Вера подчеркнула.

Обычность сейчас имела значение.

Они вместе покупали продукты.

Ругались из-за открытых окон.

Михаил забывал закрывать шкафчики на кухне.

Марина ненавидела, когда он оставлял чашку возле ком-

пьютера.

Он готовил лучше нее и почти всегда слишком много.

Антон первое время относился к нему настороженно.

Потом перестал.

— Когда?

Марина задумалась.

— Летом две тысячи второго.

— Что произошло?

— Ничего.

— Должно было.

— Не обязательно.

— Ребенок редко внезапно начинает доверять взрослому без причины.

— Не внезапно.

Она раздраженно подвинула чашку.

— Миша не пытался ему понравиться. Наверное, поэтому и понравился.

— Что делали вместе?

— Все.

— Например?

— Велосипед. Рыбалка. Уроки. Потом плавание.

— Михаил учил Антона плавать?

— Да.

— Хорошо плавал?

— Очень.

Вера записала.

— Антон называл его папой?

Марина долго не отвечала.

— Один раз при мне.

— Михаил как отреагировал?

— Сделал вид, что не услышал.

— А потом?

— Я спросила.

— Что сказал?

— Что ребенок имеет право называть людей так, как ему легче.

— Вас это устроило?

— Тогда да.

— А сейчас?

Марина посмотрела в окно.

— Сейчас я уже не знаю, какое из его предложений было просто фразой, а какое — частью какой-то системы.

Вот.

Архив уже проник в ее память, хотя Вера почти ничего не рассказала.

После похорон это было неизбежно.

— Не пытайтесь пока так думать.

— Вы можете?

Вера не ответила.

— Вот и я.

Марина провела пальцем по краю чашки.

— Он был ему отцом.

— Юридически?

— Нет.

— Материально?

— В том числе.

— Платил за школу?

— Иногда.

— Лечение?

— Да.

— Крупные покупки?

— Велосипед, компьютер. Потом помог с институтом.

— После вашего расставания?

Марина подняла глаза.

— Откуда вы знаете, что помогал после?

Вера остановилась.

Она действительно знала.

Из архива.

Но обещала себе не вести интервью с готовыми ответами.

— Предположила.

— Не похоже.

— Хорошо. В архиве есть указание, что контакт с Антоном продолжался.

Марина застыла.

— Какое указание?

Теперь выбора не было.

Вера достала одну распечатку.

Не весь файл.

Только две строки.

А.О. — положительная привязанность. Сохранить присутствие.

И более поздняя запись:

Решение оператора: поддерживать контакт с А.О. Согласование отсутствует.

Марина прочитала.

Потом еще раз.

Лицо изменилось не сразу.

— «Положительная привязанность».

Вера молчала.

— Так у него было написано про моего сына?

— В рабочем файле.

— «Сохранить присутствие».

— Да.

Марина засмеялась.

Очень тихо.

Без веселья.

— Как растение поливать.

— Понимаю.

— Нет.

Она подняла глаза.

— Вы не понимаете.

Вера не спорила.

Марина вернула лист.

— Кто такой оператор?

— Пока предполагаю, что Михаил. Точнее человек, которого на похоронах называли Александром Ратниковым.

— А согласование?

— Не знаю.

— Значит, кто-то разрешал ему общаться с моим сыном?

— Похоже, существовали правила.

— Правила чего?

— Пока не могу сказать.

— Не можете или не знаете?

— Не знаю.

Это немного успокоило.

— Антон действительно продолжал с ним общаться?

— Да.

— Вы знали?

— Не сразу.

Марина откинулась на спинку стула.

— После того как Миша ушел, я запретила Антону с ним встречаться.

— Почему?

— Потому что была злая.

— На Михаила?

— На себя тоже.

— За что?

— Что семь лет не задавала вопросов.

— Каких?

Марина посмотрела прямо.

— Кто он.
Паспорт она нашла примерно за год до расставания.
Михаил был в душе.
Марина искала документы на машину.
В его дорожной сумке лежал старый паспорт.
Не Михаила Орлова.
Другое имя.
— Какое?
— Не помню точно.
— Совсем?
— Имя могло быть Александр.
Вера не пошевелилась.
— Фамилия?
— Что-то на «Р».
— Ратников?
Марина закрыла глаза.
— Возможно.
— Посмотрите фотографию документа?
— У вас есть?
— Не того. Другой паспорт на это имя.
Вера показала скан действующего документа Александра.
Марина долго смотрела.
— Фамилия знакомая.
— Уверены?
— Нет.
— Это важно.

— Я понимаю.

— Не хочу, чтобы вы сейчас убедили себя только потому, что я предложила вариант.

— Тогда зачем предложили?

Справедливо.

— Чтобы проверить реакцию.

— Проверили?

— Да.

— И?

— Вы действительно могли видеть эту фамилию. Но этого недостаточно.

Марина раздраженно улыбнулась.

— С вами тяжело.

— Знаю.

— Он сказал, что паспорт настоящий.

— Тот, который вы нашли?

— Да.

— И что не его?

— Да.

— Вы поверили?

— Нет.

— Что сделали?

— Ничего.

Вера остановила ручку.

— Почему?

— Потому что он сказал, что если я хочу, он объяснит.

— И?

— Я сказала, что не хочу.

— Почему?

Марина долго молчала.

Потом тихо произнесла:

— Потому что испугалась ответа.

— Какого?

— Любого.

Она посмотрела на Веру.

— Если бы он сказал: «Это мой настоящий паспорт», что мне делать с предыдущими шестью годами?

— А если объяснение было безобидным?

— Тогда я бы зря разрушила нормальную жизнь.

— Поэтому решили не знать.

— Да.

Вера записала.

Не для обвинения.

Для себя.

В архивах люди часто скрывали информацию не потому, что ложь была удобнее.

Потому что правда требовала действия.

Пока не знаешь — решение можно отложить.

— Он больше к этому не возвращался?

— Нет.

— Вы?

— Тоже.

— А расстались почему?

Марина посмотрела в чашку.

— Через год он пропал на три недели.

— Когда?

— В две тысячи восьмом.

— Что значит пропал?

— Уехал в Москву и перестал отвечать.

— Совсем?

— Первые четыре дня писал. Потом ничего.

— Вы обращались в полицию?

— Нет.

— Почему?

— На пятый день позвонил мужчина и сказал, что с Мишей все нормально.

Вера выпрямилась.

— Кто?

— Не представился.

— Голос?

— Мужчина. Спокойный. Может, лет пятьдесят.

— Что именно сказал?

— «Михаил не может сейчас связаться. С ним все в порядке. Не предпринимайте ничего до его возвращения».

— Вы послушались?

— Сутки.

— Потом?

— Позвонила ему на работу.

— И?

— Там сказали, что он уволился.

Вера перестала писать.

— Когда?

— За месяц до поездки.

— А вам говорил, что едет по работе.

— Да.

— Что сделали?

— Стала искать.

— Как?

— Его знакомые. Старые номера. Бумаги.

— Нашли что-нибудь?

— Почти нет.

— Почему «почти»?

— Имя.

— Какое?

Марина помолчала.

— Глеб.

Вера подняла голову.

— Фамилия?

— Тогда не знала.

— Сейчас?

— На похоронах Денис показал фотографию. Сказал, что человек рядом с Андреем Соколовым — Глеб Арсеньев.

Она достала телефон.

Показала снимок.

Вера уже видела его в сообщении Дениса.

Высокий мужчина.

Немного моложе Александра.

Спокойное лицо.

Инициалы совпадали с **Г.А.**, который появлялся в документах архива.

— Вы видели его раньше?

— Один раз.

— Когда?

— В Москве. В две тысячи седьмом.

— С Михаилом?

— Да.

— Как представил?

— Университетский друг.

— Вы были уверены, что Михаил учился там, где говорил?

Марина усмехнулась.

— До этой недели была.

— Глеб говорил с вами?

— Минут пять.

— Что запомнилось?

— Ничего особенного.

— Попробуйте.

— Очень вежливый.

— Еще.

— Смотрел так, будто уже знает, что я скажу.

— Это ощущение или факт?

— Ощущение.

— Хорошо.

— Миша рядом с ним был другим.

— Каким?

Марина задумалась.

— Собранным.

— Обычно нет?

— Обычно тоже. Но рядом с Глебом как будто становился младше.

— Глеб старше?

— Нет. Кажется, наоборот.

— Тогда?

— Не по возрасту.

Она поискала слово.

— Как человек рядом с тем, кто имеет право его поправить.

Вера записала.

Хорошая формулировка.

— После трех недель Михаил вернулся?

— Да.

— Объяснил?

— Семейные проблемы.

— Какая семья?

— Вот это я и спросила.

— Что ответил?

— Что не может рассказать.
— И вы поставили условие.
— Да.
— Правда или уход.
— Примерно.
— Что выбрал?
Марина улыбнулась.
— Ничего.
— В смысле?
— На следующий день собрал вещи.
— Без разговора?
— Сказал, что если останется, будет продолжать врать.
Вера перестала писать.
— Дословно?
— Почти.
— И ушел.
— Да.
— Деньги?
— Что деньги?
— Общие счета. Имущество. Вещи.
Марина посмотрела с недоумением.
— Ничего не взял.
— Совсем?
— Свое.
— Покупки, которые делали вместе?
— Оставил.

— Машину?
— Моя.
— Долги?
— Нет.
— Просил у вас когда-нибудь крупную сумму?
— Никогда.
— Инвестировать куда-то?
— Нет.
— Брал кредиты на ваше имя?
— Нет.
— Оформлял имущество?
— Нет.
— Страховки?
— Нет.
Марина нахмурилась.
— Вы думаете, он был брачным мошенником?
— Я пока проверяю самое простое.
— Семь лет ради чего?
— Деньги — самый распространенный мотив долгой лжи.
— Тогда плохой мошенник.
— Почему?
— Потому что в основном платил он.
Вера подняла глаза.
— За что?
— Отпуска. Ремонт. Антону. Когда у меня был плохой год по работе, почти все расходы взял на себя.

— Сколько примерно?

— Я не считала.

— Нужно будет.

— Зачем?

— Если человек поддерживал несколько биографий, деньги могут показать, что он от них получал.

Марина усмехнулась.

— А если ничего?

— Тогда придется искать другой мотив.

— Наконец.

— Что?

— Вы ищете, что он получал.

— Конечно.

Марина покачала головой.

— С первого дня.

Вера не поняла.

— А что надо искать?

— Что получали мы.

Тишина.

— Я получила семь нормальных лет.

Она загнула палец.

— Антон получил человека, который научил его плавать, поступать в институт и не бросать начатое.

Второй.

— Павел, судя по похоронам, получил брата.

Третий.

— Та пожилая женщина — кого-то еще.

Марина опустила руку.

— Может, вы не с той стороны считаете.

Вера смотрела на нее.

Фраза была простой.

Но неприятной.

Потому что могла быть правильной.

— Даже если человек помогал другим, у него могла быть выгода.

— Конечно.

— Деньги.

— Не мои.

— Власть.

— Возможно.

— Потребность быть нужным.

— Очень возможно.

— Контроль.

— Тоже.

Марина кивнула.

— Вот это уже похоже на человека. А вы все ищете банковский перевод.

— Переводы проще проверить.

— Поэтому вы их любите.

Вера ничего не сказала.

Через полтора часа интервью закончилось.

Марина надела пальто, но не уходила.

— Вы покажете мне, что нашли про Михаила?

— Не все.

— Почему?

— Там данные других людей.

— Про меня можно?

Вера подумала.

— Да.

Она достала распечатку первой страницы файла.

Михаил Викторович Орлов. Версия 5.1.

Марина смотрела долго.

Дошла до слова:

Версия.

— То есть Миша был версией.

— Так это называл автор файла.

— Кто автор?

— Не знаю.

— Александр?

— Возможно.

— А кто такой Александр?

Вера не ответила сразу.

— Человек, которого похоронили.

— Это я знаю.

Марина раздраженно посмотрела.

— Я спрашиваю, почему вы считаете, что именно Александр настоящий.

Вера почувствовала, что вопрос ей не нравится.

— Это имя в документах о смерти.

— И?

— Есть свидетельство о рождении. Паспорт. Квартира.

— А у Михаила тоже был паспорт.

Вера молчала.

— Вы сами сказали, что документы могут быть настоящими и не означать того, что мы думаем.

— Я такого вам не говорила.

— Но думаете.

Попала.

Марина вернула лист.

— Факты никому не нужны сами по себе, Вера.

— Мне нужны.

— Вам кажется.

— Что тогда нужно?

— История, в которой с ними можно жить.

Вера закрыла папку.

— Это опасный принцип.

— Конечно.

— С ним можно оправдать любую ложь.

— А с вашим можно разрушить любую жизнь и сказать, что просто установили факты.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Марина первой отвела глаза.

— Простите.

— Не за что.

— Есть еще одна вещь.
Она достала телефон.
— Антон вчера прислал.
Фотография посадочного талона.
Москва — Калининград.
2007 год.
Пассажир:
ORLOV MIKHAIL
— Он летал по документам Михаила, — сказала Марина.
— Да.
— То есть это имя существовало не только дома.
— Уже видно.
— В Москве он тогда встречался с Глебом.
— Вы уверены?
— Я ездила с ним.
Вера подняла голову.
— Вы были там?
— Да. Два дня.
— Почему раньше не сказали?
— Вы не спрашивали.
Вера почти усмехнулась.
Справедливо.
— Где встречались?
Марина назвала ресторан.
— Глеб был один?
— Сначала. Потом еще двое мужчин.

— Имена?
— Не помню.
— О чем говорили?
— Меня отправили смотреть магазины.
— «Отправили»?
— Я сама ушла.
Пауза.
— Но теперь понимаю, что очень вовремя.
— Михаил попросил?
— Сказал: «Тебе будет скучно».
Вера записала.
— Глеб знал вас как Марину Орлову?
— Понятия не имею.
— Он называл Михаила Мишей?
Марина задумалась.
— Нет.
— Как?
— Никак.
Это было интересно.
— Совсем?
— При мне — нет.
— А Михаил его?
— Глебом.
— После встречи что-нибудь изменилось?
— Не сразу.
— А потом?

— Через несколько месяцев начались те самые поездки. Потом исчезновение.

Вера кивнула.

Глеб снова оказывался рядом в момент, когда роль Михаила начинала разрушаться.

Но это пока не причина.

Только последовательность.

У двери Марина остановилась.

— Вера.

— Да?

— Если выяснится, что Михаила никогда не существовало…

Она не закончила.

Вера ждала.

— Не знаю.

— Что?

— Хотела попросить сказать мне.

— И?

Марина посмотрела на улицу за стеклом.

— А теперь не уверена.

Она ушла.

Вера вернулась в квартиру Александра после девяти.

Хотела только забрать ноутбук.

Осталась.

Села за длинный стол.

Открыла **ОРЛОВ_М**.

Теперь можно было читать.

Она уже знала Маринину версию.

Файл не сможет ее заменить.

По крайней мере не полностью.

Михаил Викторович Орлов. Версия 5.1.

Статус: закрыт.

Она прокрутила.

Дата начала модели:

До знакомства с Мариной.

Значит, Михаил Орлов был создан не для нее.

Это важно.

Работа.

Адрес.

Документы.

Все совпадало с тем, что рассказывала Марина.

Настоящая компания.

Настоящая квартира.

Настоящий трудовой договор.

Ниже:

Близкий круг.

М.О. — Марина Орлова.

Примечание:

Естественное развитие. Не инициировать разрыв без необходимости.

Вера перечитала.

Марина не была частью первоначального плана.

Она появилась сама.

Следом:

А.О. — Антон Орлов.

Ребенок М.О. Положительная привязанность. Сохранить присутствие.

Формулировка, которую Вера уже показала Марине.

Теперь рядом стояло больше.

Роль оператора в семейной структуре растет без отдельной задачи.

Риск эмоционального закрепления: высокий.

Вера остановилась.

Эмоционального закрепления.

Не Антона.

Оператора.

Александра.

Кто-то наблюдал не только за тем, поверила ли семья в Михаила.

За тем, не поверил ли Михаил в семью.

Она прокрутила дальше.

Рекомендовано снижение участия в бытовом блоке.

A.R.: отказ.

Семейная модель устойчива автономно. Присутствие оператора не является обязательным.

A.R.: продолжить.

Куратор: Г.А.

Контрольные встречи: Москва, 2003 / 2005 / 2007.

Глеб Арсеньев.

Теперь почти наверняка.

Модель закрыть.

Связи первой степени по возможности не поддерживать.

Ниже — запись другим шрифтом.

Более поздняя.

Решение оператора: поддерживать контакт с А.О.

Согласование отсутствует.

Последнее изменение:

Александр Ратников.

Вера откинулась на спинку стула.

Все, что рассказала Марина, совпадало.

Но файл менял значение некоторых событий.

Михаил мог уйти из ее жизни не потому, что устал лгать.

Или не только поэтому.

Системе понадобилось закрыть роль.

А Александр согласился разорвать отношения с Мариной.

Но не с Антоном.

Почему?

Ребенок был сильнее?

Обещание?

Вина?

Или реальная привязанность, которую даже авторы системы считали риском?

Она открыла список платежей по модели.

Аренда квартиры.

Связь.

Командировки.

Расходы на документы.

Рабочие траты.

Никаких переводов от Марины.

Наоборот.

Несколько крупных сумм обозначены как:

личные расходы оператора — не компенсировать.

Компьютер.

Лечение.

Учебная программа.

Получатель не указан.

Но даты совпадали с возрастом Антона.

Вера записала на отдельном листе:

Орлов: финансовая выгода не видна.

Потом остановилась.

Одна история ничего не доказывает.

Мошенник мог не зарабатывать на Марине и получать деньги где-то еще.

Она открыла **ЛАВРОВ_С**.

Не стала читать отношения.

Только финансовый раздел.

Крупная выплата.

Получатель:

П.Л.

Павел.

Примечание:

закрытие обязательств / личное решение A.R.

Еще одна сумма.

Отказ от доли имущества.

Еще.

Помощь.

Вера нахмурилась.

Открыла **СОКОЛОВ_А**.

Платежи.

Лечение человека по имени Кирилл.

Несколько расходов, которые не компенсировались системой.

Она закрыла файл.

Случайность начинала повторяться.

Если Александр строил несколько биографий ради мошенничества, пока происходило что-то странное:

деньги двигались не к нему.

От него.

Вера взяла чистый лист.

Написала сверху:

Самая простая версия: мошенничество.

Ниже:

Мотив — деньги?

И еще четыре вопроса:

Что получил от Марины?

Что получил от Павла?

Что получил от Дениса?

Что получил от остальных?

Она посмотрела на список.

До сих пор Вера пыталась понять, как Александр мог одновременно быть несколькими людьми.

Теперь вопрос становился проще.

Если убрать сложность имен, документов, поездок и правил:

зачем ему вообще было все это нужно?

Первое, что следовало проверить, — самое скучное.

Деньги.

Потому что прежде, чем придумывать человеку сложную философию, нужно убедиться, что он не делал все ради банковского счета.

Глава 5. Человек, который ничего не украл

Утром Вера распечатала таблицу.

Она всегда предпочитала бумагу, когда информации становилось слишком много.

На экране можно было сортировать, искать, фильтровать, строить связи. Но только на бумаге становилось видно, когда история начинала занимать слишком много места.

Первый лист она разделила вертикальными линиями.

Имя.

Период.

Город.

Работа.

Близкие.

Документы.

Деньги.

Последнюю колонку добавила после разговора с Мариной.

Вера собиралась доказать самую простую версию.

Мошенник.

Человек создает несколько личностей не ради искусства. Ему что-то нужно.

Деньги.

Недвижимость.

Доступ.

Женщины.

Документы.

Возможность скрываться.

Иногда все сразу.

Если понять выгоду, дальше становилось значительно легче.

Она вписала первое имя.

Михаил Орлов.

Калининград.

2001–2008.

Логистика.

Марина.

Антон.

В колонке «деньги» поставила вопросительный знак.

Ниже:

Сергей Лавров.

Москва и область.

Период пока неизвестен.

Павел.

Мать Павла.

Вопросительный знак.

Андрей Соколов.

Москва.

Корпоративное обучение.

Примерно 2010–2018.

Денис и другие сотрудники.

Вопросительный знак.

Андрей Грачев.

Тульская область.

Врач.

Как минимум с начала девяностых.

Тамара Ильинична.

Вопросительный знак.

Вера отложила ручку.

Четыре вопросительных знака выглядели временно.

Через несколько часов хотя бы один должен был превратиться в число.

Она была почти уверена.

Но сначала позвонила нотариусу.

— Мне нужно уточнить имущественную часть.

— Какую именно?

— Счета. Недвижимость. Долги. Крупные операции.

— В рамках вашей работы?

— Возможно.

На другом конце ненадолго замолчали.

— Вы уже начали разбирать архив?

— Да.

— И?

Вера посмотрела на ноутбук Александра, стоявший на соседнем столе.

— Он оправдывает слово «архив».

— Я предупреждал.

— Нет. Вы сказали, что документов много.

— А какая разница?

— Большая.

Нотариус не стал спрашивать.

Вера продолжила:

— Мне важно понять, были ли у Ратникова крупные активы.

— Недвижимость — квартира, в которой вы работаете. Небольшой дом с участком в Тверской области. Счета.

— Сколько?

— Вера Андреевна.

— Хотя бы порядок.

— Я не могу раскрывать вам сведения, не относящиеся непосредственно к поручению.

— Миллионы?

— Большинство людей в Москве с квартирой формально миллионеры.

— Не в рублях.

— Нет.

— Долги?

— Существенных нет.

— Судебные споры?

— Насколько мне известно, нет.

— Бизнес?

— Официально на момент смерти — нет.

Вера записывала.

— Наследники?

— Этот вопрос уже выходит за рамки вашего поручения.

— Кто оплачивает мою работу после его смерти?

— Оплата была зарезервирована заранее.

Вера остановилась.

— То есть он заплатил еще при жизни?

— Да.

— Когда?

— Несколько месяцев назад.

— Вместе с распоряжением?

— Да.

— Он готовился к смерти?

Нотариус ответил не сразу.

— Он знал о диагнозе.

Вера медленно положила ручку.

— Каком диагнозе?

— Это уже точно не моя информация.

— Понятно.

Она посмотрела на папки.

— Последний вопрос. Он выглядел человеком, у которого есть деньги?

На другом конце тихо усмехнулись.

— Странный вопрос.

— И все же.

— Он выглядел человеком, которому деньги были нужны только тогда, когда требовалось что-то оплатить.

— Это тоже странный ответ.

— Другого у меня нет.

После звонка Вера дописала:

Александр Ратников: значительного состояния нет.

Потом перечеркнула.

Слишком рано.

Отсутствие большого наследства ничего не означало. Деньги могли находиться в других странах. На чужих счетах. В наличных. Быть давно потраченными.

Она открыла банковские документы из квартиры.

На их просмотр ушло почти два часа.

Сначала все казалось обычным.

Коммунальные платежи.

Продукты.

Аптеки.

Бензин.

Переводы.

Последних было много.

Вера начала выписывать получателей.

Некоторые повторялись.

Антон Орлов.

Три перевода.

Небольшие суммы.

Один — восемь лет назад.

Еще один — шесть.

Последний — четыре года назад.

Назначения:

«на учебу»

«как договорились»

«детям»

Она остановилась.

Антон.

Сын Марины.

Человек, контакт с которым «оператор» продолжил вопреки указанию закрыть модель.

Вера посмотрела сумму последнего перевода.

Пятьдесят тысяч.

Не состояние.

Но и не формальность.

Следующий получатель.

Незнакомая женщина.

Переводы ежемесячно почти два года.

Еще один мужчина.

Разовый платеж — лечение.

Она открыла поиск по имени.

В документах нашлась квитанция частной клиники.

Оплата операции.

Фамилия совпадала.

Вера создала новую колонку.

Отдал.

Потом подумала и стерла.

Написала:

Финансовое движение.

Пока без выводов.

Телефон зазвонил.

Павел.

— Вы нашли что-нибудь?

Ни приветствия, ни вступления.

— Доброе утро.

— Доброе. Нашли?

— Нашла документы.

— Сергея?

Вера посмотрела на таблицу.

— В том числе.

— Что значит «в том числе»?

— Именно то, что значит.

— Можно без загадок?

— Павел, я не создаю загадки. Я их разбираю.

Он шумно выдохнул.

— Я нашел бумаги матери.

— Какие?

— Старое наследство. Документы на дачу. Сергей там есть.

— В каком качестве?

— Сын.

Вера выпрямилась.
— Чей?
— Моей матери.
— В официальном документе?
— Да.
— Каком именно?
— Свидетельство о праве на наследство. После бабушки.
— Год?
— Девяносто восьмой.
— Скан пришлете?
— Уже отправил.
Телефон завибрировал.
Вера открыла файл.
Документ выглядел настоящим.
Получатели имущества:
Лаврова Валентина Петровна.
И далее члены семьи.
Среди них:
Лавров Сергей Николаевич.
Вера увеличила.
Дата рождения.
Снова тот же год.
— У Сергея было имущество после этой сделки?
— Какая сделки?
— Наследства.
— Доля дачи.

— Что с ней стало?
— Отказался.
— В чью пользу?
Пауза.
— В мою.
— Когда?
— Через несколько месяцев.
Вера записала.
— Почему?
— Сказал, что ему не нужна.
— Доля сколько стоила?
— Тогда? Не знаю.
— Но не ноль.
— Конечно.
— То есть он мог ее оставить себе.
— Наверное.
— И отдал вам.
— Он мой брат.
Вера чуть прикрыла глаза.
— Хорошо.
— Что?
— Ничего.
— Вы нашли то, что доказывает, что он не мой брат?
— Я пока не ищу это.
— А что ищете?
Вера посмотрела на колонку «деньги».

— Мотив.

— Какой еще мотив?

— Почему человеку понадобилось жить под несколькими именами.

— И?

— Пока не знаю.

Павел помолчал.

— Вы думаете, он нас обманывал ради денег?

— Это первая версия.

Он неожиданно рассмеялся.

— Тогда у вас плохая версия.

— Почему?

— Потому что Сергей был идиотом с деньгами.

— В каком смысле?

— В прямом. Мог дать человеку половину зарплаты, а потом неделю есть макароны.

— Пример?

— Меня вытаскивал.

— Откуда?

Пауза стала длиннее.

— Неважно.

— Павел.

— Я вам не на исповеди.

— Вы сами позвонили.

Он выругался почти беззвучно.

— В две тысячи шестом у меня были проблемы.

— Какие?
— Долги.
— Большие?
— Для меня — да.
— Он заплатил?
— Часть.
— Сколько?
Павел назвал сумму.
Вера перестала писать.
Для середины двухтысячных это было много.
— Откуда деньги?
— Не знаю.
— Вернули?
— Не все.
— Он требовал?
— Ни разу.
— Почему?
— Потому что…
Павел остановился.
— Потому что он был вашим братом?
— Да.
Вера записала сумму.
— Документы есть?
— Какие документы, Вера? Он дал мне деньги.
— Перевод?
— Наличными.

— Понятно.

— Нет, вам ничего не понятно.

— Возможно.

— Вы все пытаетесь сделать из этого схему.

— Пока схема уже существует без моей помощи.

Он замолчал.

Вера услышала, как на его стороне что-то хлопнуло.

Наверное, дверь.

— Я сегодня вечером могу привезти документы.

— Не нужно. Отсканируйте.

— Я хочу посмотреть, что нашли вы.

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что у меня есть документы, содержащие сведения о других людях.

— Он мой брат.

Вера не стала снова спорить со словом.

— Именно поэтому пока нет.

Павел отключился первым.

Через несколько минут пришел скан отказа от доли в даче.

Вера внесла еще одну строку.

Сергей Лавров — имущественной выгоды не получил. Напротив: отказ в пользу Павла.

Следующим она набрала Дениса.

Он ответил на фоне голосов.

— Я на работе.

— Удобно две минуты?

— Если увольнять не будете.

— Сколько Андрею Соколову платили за обучение?

— Откуда я знаю?

— Вы можете узнать?

— Наверное.

— И еще: он когда-нибудь просил у сотрудников деньги? Инвестиции? Услуги?

Денис засмеялся.

— Вот это будет смешно.

— Почему?

— Потому что он сам постоянно за всех платил.

— За кого?

— Кофе. Обеды. Если группа после тренинга куда-нибудь шла — мог закрыть счет.

— С какой целью?

— Вера, вы серьезно?

— Да.

— Обычно люди просто платят за ужин.

— Обычно они не живут под четырьмя именами.

— Тоже аргумент.

Денис стал серьезнее.

— Нет. Никаких инвестиций. Никаких займов. Ничего такого.

— Что-нибудь необычное?

— В каком смысле?

— Подарки. Помощь. Крупные расходы.
Он задумался.
— Был парень у нас. Кирилл. Его жена болела.
— И?
— Андрей нашел какого-то врача.
— Просто врача?
— И часть лечения оплатил, кажется.
Вера посмотрела на банковские бумаги.
— Фамилия Кирилла?
Денис назвал.
Она быстро поискала.
Нашла.
Тот же платеж в клинику.
— Сколько?
— Не знаю.
— Он рассказывал, почему помогает?
— Нет.
— Кирилл просил?
— Насколько помню, нет.
— Тогда откуда Андрей узнал?
Денис рассмеялся.
— Он всегда все знал.
— Что значит «все»?
— Про людей.
Вера вспомнила Марину.
Очень хорошо наблюдает.

— Например?

— Мог посмотреть на тебя и сказать: «Ты сегодня не ночевал дома».

— И?

— И угадать.

— Может, просто делал выводы.

— Конечно делал. Он вообще этим занимался.

— Чем?

— Смотрел на людей и делал выводы.

Вера записала.

— Вы говорили вчера, что еще один человек его узнал.

— Да.

— Кто?

— Наш бывший коммерческий директор переслал фото приятелю. Тот говорит, видел его в Нижнем Новгороде в две тысячи пятом или шестом. Но там другое имя.

— Какое?

— Пока не ответил.

Вера вздохнула.

— Хорошо.

— И еще.

— Что?

— Я вспомнил одну вещь.

— Говорите.

— Андрей терпеть не мог, когда люди считали ступени.

Вера не пошевелилась.

— Что?

— Странная привычка. У нас офис раньше был на четвертом без лифта. Один парень всегда вслух считал. Андрей каждый раз говорил ему одну и ту же фразу.

Вера уже знала, что услышит.

Все равно спросила:

— Какую?

— «Не считай ступеньки, лестница от этого короче не станет».

Вера посмотрела на стену.

Там ничего не было.

Белая краска.

— Вера?

— Да.

— Вы здесь?

— Да.

— Что-то не так?

Она медленно опустила ручку.

— Нет.

На этот раз слово далось тяжелее.

— Пришлите, пожалуйста, контакт Кирилла.

— Хорошо.

Вера закончила разговор.

Несколько секунд сидела неподвижно.

Фразу она знала с детства.

Не помнила, когда услышала впервые.

Не помнила, кто ее произнес.

Просто знала.

Как знают пословицу.

Как знают, что зимой нужно застегивать куртку.

Иногда мать говорила:

— Не считай ступеньки.

А продолжение Вера произносила сама.

Лестница от этого короче не станет.

Она открыла переписку с Еленой.

Написала:

«Мам, откуда у нас фраза про ступеньки?»

Палец завис над отправкой.

Вера стерла сообщение.

Слишком рано.

Вместо этого открыла старые фотографии в облачном архиве.

Поиск ничего не дал.

Разумеется.

Она сама оцифровывала семейные снимки много лет назад, но не проставляла содержание по каждому кадру.

Открыла папку:

1991–1995.

Фотографий было мало.

День рождения.

Детский сад.

Море.

Новый год.

Мама значительно моложе.

Бабушка.

Отец отсутствовал почти везде.

Он уже умер.

Вера листала дальше.

На одном снимке она стояла у деревянной лестницы.

Лет семь.

Красная кофта.

Позади — дачный дом.

Вера увеличила изображение.

На верхней ступени лежала мужская рука.

Только рука.

Человек в кадр не попал.

Вера смотрела на нее несколько секунд.

Потом закрыла фотографию.

Это уже было похоже не на исследование, а на желание увидеть связь там, где ее может не быть.

Она знала профессиональное название этому.

Подтверждающее смещение.

Сначала возникает версия.

Потом человек начинает замечать только факты, которые ее поддерживают.

Сама Вера постоянно предупреждала об этом клиентов.

Теперь пришлось предупредить себя.

Она вернулась к таблице.

К обеду в колонке «деньги» по-прежнему не было ни одной понятной выгоды.

Зато появились:

Марина — финансовых потерь нет.

Антон — помощь после прекращения отношений.

Павел — деньги на погашение долга + доля имущества.

Кирилл — оплата лечения.

Тамара Ильинична — неизвестно.

Последней Вера позвонила после трех часов.

Женщина ответила не сразу.

— Алло.

— Тамара Ильинична? Это Вера Левина. Мы вчера виделись на похоронах.

— Я помню.

— Удобно говорить?

— Говорите.

— Вы нашли медицинские документы?

— Пока нет.

— Я хотела спросить не об этом.

— А о чем?

— Андрей когда-нибудь брал у вас деньги?

Тишина.

— Что?

— Деньги. Подарки. Крупные суммы.

— Нет.

— Может быть, просил оформить что-то на него?

— Нет.

— За лечение?

Тамара Ильинична даже возмутилась.

— Какое за лечение? Тогда врачи денег не брали.

Вера промолчала.

— Ну, брали, конечно, — поправилась женщина. — Но Андрей с нас не брал.

— Совсем?

— Я ему как-то коньяк принесла. Он вернул.

— Почему?

— Сказал, что не пьет.

— А пил?

— Потом видела. Пил.

Вера едва заметно улыбнулась.

— Значит, просто не хотел брать.

— Наверное.

— Вы сказали вчера, что он лечил вашего сына.

Голос женщины изменился.

— Да.

— Серьезно?

— Очень.

— Что было?

— Зачем вам?

— Я пытаюсь понять, что он получал от людей, с которыми общался.

— Получал?

— Да.

— Это вы про деньги?

— В том числе.

Тамара Ильинична помолчала.

— От меня ничего.

— А вы от него?

Теперь молчание стало другим.

— Сына.

Вера нахмурилась.

— Простите?

— Вы спросили, что я от него получила.

— Да.

— Сына.

Женщина произнесла это спокойно.

— В районной больнице сказали ждать до утра. Андрей приехал ночью и устроил перевод в Тулу. Если бы ждали, сказали потом, мог бы не дожить.

Вера не знала, насколько история точна медицински.

Но эмоция была точной.

— После этого вы продолжали общаться?

— Конечно.

— Как пациент и врач?

Тамара Ильинична долго не отвечала.

— Сначала.

— А потом?

— Потом просто.

— Что значит «просто»?

— По праздникам звонил. Если был рядом — заезжал. Муж умер — приехал. Сын женился — приехал.

Вера записала:

отношения продолжались после исчезновения необходимости.

Фраза выглядела почти как строчка из ноутбука.

От этого стало неприятно.

— Тамара Ильинична, а когда вы поняли, что Андрей — не настоящее имя?

— Я вчера сказала.

— Мне важно понять обстоятельства.

— Один человек проговорился.

— Кто?

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что его уже нет.

— Это связано с работой Андрея?

— Возможно.

— Он был врачом на самом деле?

На другом конце стало совсем тихо.

— А вот это я хочу узнать у вас.

— Почему сомневаетесь?

— Потому что после вчерашнего сомневаюсь уже во всем.

— Но он вас лечил.

— Меня — нет.
— Вашего сына.
— Да.
— Он понимал медицину?
— Понимал.
— Значит, образование должно было быть.
— Или он очень хорошо притворялся.
Вера ничего не сказала.
Тамара Ильинична вдруг спросила:
— Вы нашли что-то плохое?
— Пока не знаю.
— Но ищете.
— Я ищу объяснение.
— Это не одно и то же.
— Что?
— Плохое и объяснение.
Вера посмотрела на таблицу.
— Да.
— Вы молодая еще.
Вера чуть улыбнулась.
В тридцать девять это начинало звучать приятно.
— Спасибо.
— Не за что. Когда найдете документы — позвоните.
— Обязательно.
После разговора Вера долго смотрела на заполненный лист.

Она ожидала схему преступления.

Вместо этого получалась схема расходов.

Причем почти все стрелки шли от Александра наружу.

Доля дачи.

Долги.

Лечение.

Учеба.

Дети.

Не богатый человек.

Не человек, который собирал имущество под чужими именами.

Не мужчина, систематически обиравший женщин.

Можно было предположить, что деньги были просто не главным товаром.

Он мог получать информацию.

Доступ.

Документы.

Услуги.

Но и это пока ничем не подтверждалось.

Зато подтверждалось другое.

Люди, которых он якобы обманывал, почему-то вспоминали прежде всего, чем он им помог.

Вера взяла красную ручку.

Обвела колонку **«Деньги»**.

Написала внизу:

Мотив отсутствует.

Подумала.
Добавила:
или неправильно определен.
Телефон снова завибрировал.
На этот раз мать.
Вера посмотрела на имя.
Может быть, совпадение.
Наверняка совпадение.
Она ответила.
— Привет.
— Ты занята?
— Работаю.
— Я ненадолго. Ты завтра приедешь?
— А что завтра?
— Вера.
Она замерла.
— Что?
— Среда.
— И?
— Ты обещала отвезти меня к врачу.
Вера закрыла глаза.
— Черт. Да. Конечно.
— Забыла.
— Не забыла.
— Забыла.
— Хорошо. Забыла.

Мать засмеялась.
— В девять?
— В девять.
— Только не приезжай в восемь сорок, как обычно.
— Почему?
— Потому что прием в десять.
— Мало ли пробки.
— Не считай ступеньки, Вера.
Ручка выпала из ее пальцев.
Мать продолжила:
— Лестница от этого короче не станет.
Вера не ответила.
— Вера?
— Да.
— Ты слышишь?
— Мам.
— Что?
Она смотрела на фразу, написанную на листе:
мотив отсутствует.
— Кто тебе это говорил?
— Что?
— Про ступеньки.
Мать замолчала.
Пауза была совсем короткой.
Может быть, две секунды.
Но Вера всю жизнь работала с людьми, которые вспоми-

нали.

Она знала разницу между паузой, когда человек ищет ответ, и паузой, когда решает, какой ответ дать.

— Бабушка, наверное.

— Наверное?

— Ну откуда я помню? Сто лет прошло.

— Она говорила именно так?

— Вера, ты зачем спрашиваешь?

И вот теперь Вера услышала главное.

Не удивление.

Настороженность.

— Просто вспомнила.

— Что вспомнила?

— Ничего.

Слово снова прозвучало неправильно.

Мать помолчала.

— У тебя все нормально?

— Да.

— Точно?

— Точно.

— Тогда завтра в девять.

— В девять.

Они попрощались.

Вера медленно положила телефон.

На столе лежали:

таблица чужих имен;

банковские выписки;

старые фотографии;

ноутбук человека, который называл собственные жизни легендами.

Все утро Вера пыталась понять, что Александр Ратников получал от окружающих.

К вечеру у нее появился другой вопрос.

Что получали от него они?

И почему одна из его фраз оказалась в ее собственной семье?

Глава 6. Брат

Павел прислал сообщение в 22:17.

Без приветствия.

«Я нашел еще кое-что. Это не для почты. Завтра сможете встретиться?»

Вера прочитала и не ответила.

В 22:24 пришло второе.

«Это важно.»

В 22:31:

«И прежде чем опять начнете что-то проверять: да, документ настоящий.»

Вера усмехнулась.

Последнее сообщение по крайней мере было адресовано именно ей.

Она написала:

«В 11:30. Кафе на Садовой. Адрес пришлю.»

Ответ появился почти сразу.

«Лучше у меня.»

Вера посмотрела на экран.

«Почему?»

Павел печатал долго.

Потом:

«Потому что я не хочу доставать это в кафе.»

Она согласилась.

Утром Вера отвезла мать к врачу.

Елена вышла из подъезда за три минуты до девяти, в темно-зеленом плаще и с небольшой сумкой через плечо.

— Ты рано.

— Без восьми.

— Я просила в девять.

— Восемь пятьдесят две — это почти девять.

— Для человека, который занимается точностью, у тебя странные отношения со временем.

Вера открыла ей дверь.

— Садись.

Елена устроилась рядом, пристегнулась и сразу посмотрела на дочь.

— Ты плохо спала.

— Нормально.

— Под глазами синяки.

— Спасибо.

— Я не критикую. Констатирую.

— Откуда у тебя это?

— Что?

— Желание все констатировать.

Мать улыбнулась.

— От тебя научилась.

Они выехали со двора.

Первые несколько минут ехали молча.

Вера заранее решила не спрашивать про фразу.

После вчерашнего разговора вопрос нужно было поставить иначе.

Не:

«Кто говорил про ступеньки?»

А:

«Знала ли мать Александра?»

Но задавать его без фотографии или другого подтверждения было рано.

Если Елена действительно что-то скрывала, прямой вопрос только предупредит ее.

Вера ненавидела думать о матери как о человеке, которого нужно не спугнуть.

Поэтому переключила радио.

Мать тут же убавила громкость.

— Что у тебя за работа такая?

— Какая?

— Из-за которой ты вчера спрашивала про детские выражения.

Вера посмотрела на дорогу.

— Разбираю архив одного человека.

— И там ступеньки?

— Можно сказать.

— Очень интересный архив.

— Очень.

Елена ждала продолжения.

Вера не дала.

Через некоторое время мать спросила:
— Он умер?
— Да.
— Старый?
— Шестьдесят семь.
Елена повернула голову к окну.
— Молодой.
Вера ничего не сказала.
Шестьдесят семь.
Елене было шестьдесят восемь.
— Сердце?
— Нет.
— А что?
— Не знаю точно.
— Странно.
— Что?
— Ты обычно знаешь.
Вера посмотрела на нее.
— Мам, я разбираю документы. Не провожу вскрытия.
— Все равно обычно знаешь.
Светофор переключился.
Вера тронулась.
— Его звали Александр Ратников.
Она произнесла имя спокойно.
Как будто между делом.
Елена никак не отреагировала.

Слишком никак.

Не переспросила.

Не сказала «не знаю такого».

Просто продолжила смотреть в окно.

Вера почувствовала, как внутри медленно натягивается струна.

— Знакомая фамилия? — спросила она.

Теперь мать повернулась.

— Нет.

Ответ прозвучал быстро.

— А имя?

— Александр?

Елена усмехнулась.

— Очень редкое.

Вера тоже улыбнулась.

На этом остановилась.

У врача они провели почти полтора часа.

Пока мать была в кабинете, Вера открыла фотографию с собственной детской лестницей.

Мужская рука на верхней ступени.

Она снова увеличила снимок.

Ничего.

Даже часы разобрать было невозможно.

Факт отсутствовал.

Было только желание превратить пятно на фотографии в доказательство.

Она закрыла телефон.

Когда Елена вышла, разговор к Ратникову не возвращался.

У дома мать неожиданно задержалась возле машины.

— Ты вечером позвонишь?

— Конечно.

— И не забудь поесть.

— Мам.

— Что?

— Мне тридцать девять.

— Поэтому я уже не говорю тебе надеть шапку.

— Прогресс.

Елена наклонилась, поцеловала дочь в щеку.

Уже у подъезда обернулась.

— Вера.

— Да?

— Если архив начинает мешать спать, иногда его полезно закрыть.

Вера смотрела на мать.

— Какой архив?

Елена замерла на секунду.

— Тот, который ты разбираешь.

— А.

— А ты о чем подумала?

— Ни о чем.

Мать кивнула.

— Вот и хорошо.

И вошла в подъезд.

Вера не уезжала еще минуту.

Она не могла решить, услышала сейчас предупреждение или обычную материнскую заботу.

Хуже всего было то, что обе версии звучали одинаково естественно.

Павел жил в доме на окраине города, в квартире, где ремонт, судя по всему, когда-то начали и в какой-то момент просто решили считать законченным.

В прихожей лежали коробки.

Из комнаты тянуло кофе.

На стене висела фотография пожилой женщины.

Той самой, которую Вера видела на снимке с Сергеем.

— Мама, — сказал Павел, заметив ее взгляд.

— Валентина Петровна?

— Да.

— Можно?

Он снял фотографию со стены и протянул.

На обороте ничего не было.

— Как давно умерла?

— В девяносто девятом.

— Вы говорили, Сергей был на похоронах.

— Был.

— Организовывал?

— Почти все.

Павел забрал рамку.

— Я тогда вообще был не в состоянии.

Он вернул фотографию на место.

— Кофе?

— Нет, спасибо.

— Чай?

— Нет.

— У вас всегда так?

— Как?

— Вы приходите к человеку домой и ничего не пьете.

— Если я выпью кофе у каждого человека, с которым разговариваю, умру раньше окончания расследования.

Павел усмехнулся.

— Расследования.

— Работы.

— Нет. Вы правильно сказали.

Он прошел на кухню.

Вера пошла следом.

На столе лежала толстая коричневая папка.

Такие продавали в канцелярских магазинах еще в девяностых: картон, завязки по бокам, выцветшая надпись шариковой ручкой.

ЛАВРОВЫ.

Павел сел напротив.

— Я вчера до трех ночи рылся.

— Нашли документы?

— Нашел много всего.

— Покажете?

— Сначала хочу кое-что спросить.

Вера ждала.

— Вы уверены, что тот человек в гробу — тот же самый, что на наших фотографиях?

— Насколько можно быть уверенной без специальной экспертизы — да.

— «Без экспертизы».

— Я заказала сравнение части снимков.

Павел поднял брови.

— Уже?

— Уже.

— И что?

— Результата пока нет.

— А если окажется, что разные люди?

— Тогда станет проще.

— Вы так говорите, будто хотите, чтобы было сложнее.

— Я хочу, чтобы объяснение соответствовало фактам.

— Вы всегда так отвечаете?

— Когда вопрос сформулирован так — да.

Павел откинулся на стуле.

Он выглядел уставшим.

Вчера на похоронах его злость занимала почти все лицо.

Сегодня под ней проступало что-то другое.

Страх, подумала Вера.

Не потерять брата.

Он уже был мертв.

Потерять сам факт, что брат когда-либо существовал.

— Покажите, — сказала она.

Павел развязал тесемки.

Первым достал свидетельство о смерти матери.

Затем бумаги на дачу, которые уже присылал.

Несколько квитанций.

Старые письма.

Фотографии.

Вера перебирала по одной.

Сергей появлялся не на всех.

Но достаточно часто, чтобы его присутствие не выглядело случайным.

Вот Новый год.

Вот лето на даче.

Вот похороны какого-то родственника.

Вот Павел молодой, худой, с нелепо длинными волосами.

Сергей рядом.

На одной фотографии они держали лопаты.

— Что это?

— Канализацию делали на даче.

— Когда?

— Девяносто седьмой.

— Вы уверены?

— Я месяц потом спину лечил. Такое запоминается.

Вера перевернула снимок.

На обороте:

июнь 97. Павлик, Сережа.

Почерк, вероятно, женский.

— Мама подписывала?

— Да.

Следующий снимок.

Сергей с Валентиной Петровной.

Он обнимает ее за плечи.

— Когда он появился в семье?

Павел нахмурился.

— В каком смысле появился?

— Самое раннее воспоминание о нем.

— Он всегда был.

— Павел.

— Что?

— Вы младше на шестнадцать лет. Когда вы родились, ему уже было шестнадцать. Значит, у вас должны быть детские воспоминания.

— Есть.

— Какие?

Он посмотрел на Веру.

— Вы сейчас будете проверять мои воспоминания?

— Да.

Павел чуть засмеялся.

— Хорошо.

Он задумался.

— Помню, как он меня из садика забирал.

— Сколько вам было?

— Пять, наверное.

— Значит, ему двадцать один.

— Наверное.

— Где жили?

Павел назвал район.

— Еще?

— На велосипеде учил.

— Еще?

— Мы ездили на речку.

— Где?

Он назвал место.

— Фото есть?

— Не знаю.

— Еще?

Павел начал раздражаться.

— Вы чего хотите?

— Понять, насколько далеко назад существует Сергей Лавров.

— С рождения существует.

— Это вы знаете или вам рассказывали?

Он открыл рот.

Закрыл.

Вера ждала.

— Есть разница?

— Огромная.

Павел потянулся к пачке сигарет на подоконнике.

Посмотрел на Веру.

— Можно?

— Это ваша квартира.

Он закурил у открытого окна.

— Некоторые вещи я помню сам.

— Какие самые ранние?

— Велосипед.

— Сколько лет?

— Семь.

— Значит, примерно восемьдесят второй.

— Да.

Вера записала.

Если память точна, Александр в образе Сергея существовал гораздо дольше найденных ею файлов.

Это было важно.

— А родители?

— Что родители?

— Они говорили о нем как о сыне?

Павел резко посмотрел.

— Конечно.

— Родной отец?

— Умер, когда я маленький был.

— Сергея тоже считал сыном?

— Откуда я знаю?
— У вас была одна мать?
— Да.
— Документы о рождении Сергея есть?
Павел затянулся.
— Вот к этому вы и ведете.
— Я веду к документам.
Он потушил сигарету почти сразу.
Потом открыл нижнюю часть папки.
Достал сложенный лист.
Не свидетельство о рождении.
Лабораторный бланк.
Положил перед Верой.
— Вот.
Она не коснулась бумаги.
Сначала прочитала заголовок.
Лаборатория молекулярно-генетических исследований.
Тест на родство.
Год — пять лет назад.
Исследуемые образцы:
Лавров Павел Николаевич.
Вторая строка была заполнена кодом.
Не именем.
Вера посмотрела на Павла.
— Что это?
— Прочитайте.

Она прочла заключение.

Вероятность биологического родства по линии полнородных или единоутробных братьев исключалась.

Формулировка была осторожной.

Но смысл — нет.

Вера подняла глаза.

Павел стоял у окна.

Не смотрел на нее.

— Чей второй образец?

— Сергея.

— Как получили?

— Волос.

— Без его согласия?

— Да.

— Почему?

Он усмехнулся.

— Вот теперь хороший вопрос.

Вера продолжала смотреть.

— Почему?

Павел вернулся за стол.

Сел.

— Пять лет назад мама моей жены заболела. Нужен был донор. Потом пошли разговоры про наследственные заболевания, анализы, вся эта генетика. Я не знаю, как объяснить.

Он потер лицо.

— Короче, у меня сын спросил, какие болезни были в се-

мье. Я начал вспоминать. И вдруг понял, что вообще ничего не знаю про Сергея.

— Но считали его братом.

— Именно.

— И это раньше не беспокоило?

— Нет.

— Почему тогда?

— Потому что первый раз вопрос был не «какой он человек», а «какая у него генетика».

Вера кивнула.

Это звучало правдоподобно.

— Вы спросили его?

— Да.

— Что ответил?

— Отшутился.

— Как?

Павел задумался.

— Сказал: «Моя наследственность закончится на мне, можешь не переживать».

— У него не было детей?

— Насколько я знал — нет.

Вера вспомнила Марину.

Михаил Орлов не был отцом Антона, но фактически занял эту роль.

— И тогда решили сделать тест?

— Не сразу.

Павел покрутил лабораторный лист пальцами.

— Было еще кое-что.

— Что?

— Мать всегда говорила, что Сергей похож на отца.

— А вы?

— Я тоже так думал.

— Фотографии отца есть?

— Есть.

Он встал, вышел из кухни.

Вернулся с альбомом.

На одной из первых страниц — молодой мужчина в военной форме.

Павел указал.

— Николай.

Сходства с Александром почти не было.

Но это ничего не доказывало.

— Мать говорила, что Сергей похож на него?

— Всю жизнь.

— А на кого похожи вы?

— На мать.

— Может быть, поэтому вопрос не возникал.

— Может быть.

Он перелистнул страницу.

— Потом я нашел одну штуку.

Фотография роддома.

Валентина Петровна держит младенца.

На обороте дата.
Павел.
— Это вы.
— Да.
Следующая фотография сделана примерно тогда же.
Валентина Петровна.
Маленький Павел.
Но Сергея нет.
— И?
— Ему должно быть шестнадцать.
— Может, фотографировал.
— На всех?
Он перелистывал.
День рождения.
Прогулка.
Семейное застолье.
Сергей нигде не появлялся.
Потом — резкий скачок.
Павлу семь или восемь.
И Сергей уже есть.
— До этого ничего?
— Я не нашел.
— А ваши воспоминания про садик?
Павел посмотрел на фотографию.
— Вот поэтому и сделал тест.
— Может быть, вы смешали воспоминания.

— Я знаю.

Он произнес это спокойно.

Слишком спокойно для человека, который впервые допускает такое.

— Вы уже давно все это обдумали.

— Пять лет.

Вера снова посмотрела на лабораторный результат.

— Что вы сделали, когда получили ответ?

— Ничего.

— Совсем?

— Совсем.

— Не спросили Сергея?

— Нет.

— Почему?

Павел усмехнулся.

— Вы сейчас будете злиться.

— С чего?

— Потому что это неправильный ответ.

— Попробуйте.

Он забрал лист.

Сложил пополам.

— Мне было все равно.

Вера молчала.

— Правда, — продолжил Павел. — Я сначала сидел в машине у лаборатории минут сорок. Думал, что меня должно трясти. Что должен поехать к нему. Орать. Требовать объяс-

нений.

— Но не поехали.

— Нет.

— Почему?

— Потому что начал вспоминать не садик.

Он положил ладони на стол.

— Помните, я говорил про долги?

— Да.

— Это не просто долги были.

Вера ждала.

— Я играл.

— Казино?

— Сначала автоматы. Потом карты. Потом все подряд.

— Сколько лет?

— Лет десять с перерывами.

— Семья знала?

— Жена — не все. Мать к тому времени умерла.

— Сергей?

— Все.

Павел посмотрел в окно.

— Я у него деньги воровал.

Вера не пошевелилась.

— Несколько раз. Потом попросил в долг. Потом еще. Потом соврал, что мне угрожают. Хотя угрожали, конечно, просто не так, как говорил.

— Он помог.

— Каждый раз.

— Почему?

— Не знаю.

— Не спрашивали?

— Он отвечал: «Потому что ты мой брат».

Тишина.

— Последний раз я проиграл сумму, после которой жена собиралась забрать детей.

Павел говорил все тем же спокойным голосом.

— Сергей приехал ночью. Мы сидели на кухне. Я думал, сейчас даст деньги.

— Не дал?

— Нет.

Павел впервые улыбнулся.

— Дал мне по морде.

Вера едва заметно подняла брови.

— Помогло?

— На тот вечер.

— А потом?

— Потом забрал мои карты. Телефон. Позвонил жене и все рассказал.

— Вы его ненавидели.

— Очень.

— Деньги в итоге дал?

— Кредиторам — да. Мне — ни копейки.

— С условием?

— Лечение. Группа. Контроль денег.

— Долго?

— Года два.

— И после всего этого вы решили проверить, родной ли он вам.

Павел кивнул.

— И выяснили, что нет.

— Да.

— Но ничего ему не сказали.

— А что я должен был сказать?

Он посмотрел прямо на Веру.

— «Спасибо, что двадцать лет был мне братом, но лаборатория считает иначе»?

Вера не ответила.

— Вот.

Павел постучал пальцем по документу.

— Для вас это доказательство.

— Это и есть доказательство.

— Чего?

Вопрос прозвучал без агрессии.

Вера посмотрела на бумагу.

— Что у вас, вероятно, нет биологического родства.

— Вот именно.

— Я другого и не говорила.

— Вчера говорили.

— Что?

— Не словами.

Он откинулся назад.

— Вчера вы смотрели на меня так, будто я ошибся человеком.

Вера хотела возразить.

Остановилась.

Вероятно, он был прав.

— Возможно.

— А я не ошибся.

— Вы знали его под другим именем.

— Да.

— Он придумал вам общее детство.

— Возможно.

— Ваша мать считала его сыном.

— Да.

— Хотя, судя по всему, он появился в семье, когда вам было около семи.

Павел помолчал.

— Похоже.

— И вас это не пугает?

— Пугает.

— Но?

Он взял пачку сигарет, покрутил, не закурил.

— Знаете, что пугает сильнее?

— Что?

— Если окажется, что мама тоже знала.

Вера посмотрела на него.

Вот об этом она не думала.

— Почему?

— Если он просто всех обманул — одно.

Он показал на семейный альбом.

— А если она сама его туда впустила и потом двадцать лет рассказывала мне, что это мой брат…

Он не договорил.

— Тогда меняется ваша мать.

— Да.

— Не Сергей.

Павел усмехнулся.

— Вот за это вы мне начинаете нравиться.

Вера проигнорировала.

— Свидетельство о рождении Сергея так и не нашли?

— Нет.

— Школьные фотографии?

— Нет.

— Военный билет?

— Не видел.

— Диплом?

— Нет.

— Что-нибудь до вашего семилетия?

— Пока ничего.

— Это важно.

— Я понимаю.

— Можно забрать тест?
Павел прижал его ладонью.
— Нет.
— Скан?
— Сделаете здесь.
Вера достала телефон.
Сфотографировала обе страницы.
— Волос откуда взяли?
— С расчески у него на даче.
— Уверены, что его?
— Был один.
— Это снижает надежность.
— Я специально потом сделал повторно.
Вера перестала фотографировать.
— Что?
Павел открыл папку снова.
Достал второй конверт.
Еще один тест.
Через несколько месяцев после первого.
— Как получили образец?
— Стакан. Он был у нас на дне рождения. Я потом убрал.
Вера прочитала.
Результат тот же.
— Значит, вы проверили дважды.
— Я хотел, чтобы первый оказался ошибкой.
— А потом решили, что вам все равно.

— Не сразу.
Он улыбнулся.
— Сначала решил, что лаборатория плохая.
— Поэтому вторая?
— Да.
— В другой лаборатории.
— Конечно.
Вера сфотографировала и ее.
Два независимых результата.
Теперь вероятность ошибки становилась незначительной.
— Сергей когда-нибудь делал ДНК-тесты сам?
— Не знаю.
— Медицинские анализы?
— Наверняка.
— Где лечился?
— У него был врач.
— Имя?
Павел подумал.
— Вадим что-то.
— Фамилия?
— Не помню.
— Найдите.
— Хорошо.
Он собрал документы.
Вера смотрела на семейную фотографию на столе.
Сергей стоял немного сбоку.

Рядом Валентина Петровна.

Павел.

Дети.

Обычная семья.

Теперь фотография выглядела иначе.

Не потому, что Вера знала: один человек на снимке не родственник.

Потому что кто-то когда-то сделал так, чтобы он стал родственником.

И сделал достаточно хорошо, чтобы через несколько десятилетий результат генетической экспертизы ничего не изменил.

— Павел.

— Что?

— Вы сказали, что мать всегда называла его сыном.

— Да.

— Вы когда-нибудь слышали, как они вспоминали его детство?

Павел задумался.

— Конечно.

— Конкретно.

Он напрягся.

— Мама говорила, что он в школе дрался.

— С кем?

— Не знаю.

— В каком классе?

— Не знаю.
— Где учился?
— Где-то здесь.
— Номер школы?
Павел медленно покачал головой.
— Не знаю.
— Какие-то друзья детства приходили?
— Нет.
— Родственники со стороны вашего отца его узнавали?
— Родни почти не осталось.
— Кто-нибудь говорил: «Помню Сережу маленьким»?
Павел молчал.
— Не помню.
— А семейные истории?
— Были.
— Какие?
Он назвал несколько.
Сергей разбил окно.
Сергей однажды убежал из дома.
Сергей украл у отца сигареты.
Вера записывала.
— Откуда вы их знаете?
Павел посмотрел на нее.
— Мама рассказывала.
— Сергей сам?
— Иногда.

— Те же истории?

— Да.

— Дословно?

— Не знаю.

Вера закрыла блокнот.

У нее возникло очень неприятное ощущение.

Не доказательство.

Пока только конструкция.

Если человеку нужно стать чьим-то старшим братом, недостаточно назвать себя братом.

Нужно общее детство.

Воспоминания.

Истории, которые семья повторяет за столом.

Плохие привычки.

Разбитое окно.

Первые сигареты.

Все то, что нельзя проверить документом, потому что именно такие вещи кажутся слишком мелкими, чтобы их придумывать.

Она вспомнила файл:

«Подтвержденные контакты».

Уровень устойчивости легенды.

Вера медленно спросила:

— Мама хорошо запоминала детали?

— Очень.

— Могла двадцать лет одинаково рассказывать одну ис-

торию?

— Могла.

— А если ей кто-то заранее рассказал ее?

Павел не понял.

— Что?

— Ничего.

— Нет. Договорите.

Вера посмотрела на него.

— Я пока не знаю достаточно.

— Вы опять.

— Да.

Павел раздраженно встал.

— Знаете, в чем ваша проблема?

— Их несколько.

— Вы думаете, если не сказать предположение вслух, оно не существует.

— Нет. Я думаю, если сказать его слишком рано, люди начнут подгонять воспоминания.

— Я не ваш свидетель.

— Сейчас — именно свидетель.

Он хотел возразить.

Не стал.

Вера закрыла сумку.

— Мне нужны копии всех фотографий, где Сергей с вашей матерью.

— Зачем?

— Хронология.
— Я сделаю.
— И любые письма.
— Есть открытки.
— Отлично.
— Почерк тоже будете проверять?
— Да.
Павел покачал головой.
— Все-таки ужасная у вас работа.
— Иногда.
Он проводил ее в прихожую.
У двери Вера остановилась.
— Еще один вопрос.
— Какой?
— Когда вы узнали о смерти?
Павел нахмурился.
— Позвонили из похоронного дома.
— Кто дал им ваш номер?
— Не знаю. Сергей, наверное.
— Вы давно с ним общались?
Павел задумался.
— Последний раз месяца три назад.
— Он сам позвонил?
— Да.
— После долгого перерыва?
— Ну…

— Павел.
— Месяцев восемь не разговаривали.
Вера почувствовала знакомое напряжение.
— О чем говорили?
— Ни о чем. Как дети. Как я. Как он.
— Он был болен?
— Не сказал.
— Про похороны?
— Господи, нет.
— Что-нибудь необычное?
Павел открыл дверь, но теперь не выпускал ее.
Вспоминал.
— Спросил про маму.
— Что именно?
— Есть ли у меня ее старые вещи.
— И?
— Я сказал, есть.
— Документы?
— Возможно.
— Он уточнял?
— Да.
Вера ждала.
— Спросил, не выбросил ли я семейные бумаги.
— Что вы ответили?
— Что лежат где-то.
— Он что сказал?

Павел нахмурился сильнее.
— Странно.
— Что?
— Сказал: «Хорошо. Когда-нибудь пригодятся».
Вера ничего не сказала.
Павел посмотрел на папку в комнате.
— Думаете, он знал, что умрет?
— Знал.
— Откуда вы знаете?
— Нотариус сказал, у него был диагноз.
Павел опустил глаза.
Несколько секунд стоял молча.
— Мог сказать.
— Мог.
— Не сказал.
— Да.
Он кивнул.
— В его стиле.
— Каком?
Павел открыл дверь шире.
— Решать за других, что им лучше знать.
Фраза осталась с Верой до машины.
Она села за руль.
Не включала двигатель.
Открыла фотографии двух генетических тестов.
Потом семейные снимки.

Потом заметки.

Сергей Лавров.

Не брат.

Вероятно, появился в семье Павла примерно в начале восьмидесятых.

Мать поддерживала историю.

Сам Сергей поддерживал историю.

Двадцать с лишним лет он выполнял обязанности старшего брата.

Пять лет назад Павел узнал биологическую правду.

И ничего не изменилось.

Вера добавила новую строку под именем:

Легенда раскрыта объектом. Отношения сохранены.

Она перечитала.

Фраза звучала так, будто ее написал автор файлов Александра.

Вера стерла.

Написала иначе:

Павел знал, что Сергей ему не брат. Все равно считал братом.

Так было точнее.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Дениса:

«Пришел ответ по еще одному имени. Есть фото. И, похоже, появилась проблема со временем.»

Ниже фотография.

Дата стояла автоматически:

12 июня 2003 года. Москва.

На снимке Александр — или Андрей, или Сергей — стоял возле автомобиля рядом с тремя мужчинами.

Вера сразу открыла фотографию Марины.

Море.

Михаил.

2003 год.

Это само по себе ничего не значило.

Москва и Калининград не находятся на разных планетах.

Она написала:

«Какая проблема?»

Денис ответил через минуту.

«Тот человек утверждает, что они тогда вместе работали. Каждый день. В Москве. С марта по ноябрь.»

Вера посмотрела на экран.

Потом открыла свои записи по Марине.

В 2003 году Михаил Орлов жил с ней в Калининграде.

Не приезжал время от времени.

Жил.

Работал.

Забирал Антона из школы.

Проводил вечера дома.

Фотографии это подтверждали.

Павел утверждал, что в те же годы Сергей регулярно по-

являлся в Москве.

Теперь возникал еще один человек, который утверждал, что тот же мужчина практически постоянно работал здесь.

До этого Вера пыталась понять, какая из биографий ложная.

Впервые возник другой вопрос.

Если все эти люди не ошибались —

как один человек успевал проживать несколько жизней одновременно?

Глава 7. Настоящий брат

Вера не сразу поехала домой.

Она остановилась через два квартала от дома Павла, возле небольшого сквера, где днем почти не было людей, и еще раз открыла фотографию, присланную Денисом.

Четверо мужчин возле темного автомобиля.

Один — Александр.

Или Михаил.

Или Сергей.

Или Андрей.

Это начинало раздражать даже на уровне языка.

Вера увеличила лицо.

Дата в свойствах файла — 12 июня 2003 года.

Москва.

Она написала Денису:

«Кто источник?»

Ответ пришел быстро.

«Борис Корнеев. Бывший коллега человека, которого он знал как Игоря Мельникова.»

Еще одно имя.

Вера добавила его в заметку.

Игорь Мельников.

Пятое.

«Контакт дадите?»

Денис прислал номер.

Вера посмотрела на часы.

Позвонить сейчас можно было, но не хотелось.

Не потому, что устала.

Потому что информация начинала поступать быстрее, чем она успевала определять ее значение.

Это было опасно.

При работе с архивами существует момент, когда исследователь перестает искать факты и начинает коллекционировать подтверждения собственной версии. Каждая новая фотография кажется важной только потому, что уже есть предыдущие.

Вера закрыла телефон.

Пять имен еще не означали пять жизней.

Может быть, три.

Может быть, две.

Может быть, одна настоящая и четыре варианта одного мошенничества.

Она достала блокнот.

Выписала:

Что известно точно:

Умер человек, официально зарегистрированный как Александр Сергеевич Ратников.

Его лицо присутствует на фотографиях разных периодов под несколькими именами.

Как минимум Михаил Орлов и Сергей Лавров существо-

вали не только устно: есть документы.

Сергей Лавров не является биологическим братом Павла.

Павел знает об этом пять лет.

Отношения между ними после этого не прекратились.

В ноутбуке Александра существуют файлы с формулировками «легенда», «оператор», «куратор».

Александр знал Веру до смерти и сам выбрал ее для работы с архивом.

На девятом пункте Вера остановилась.

Написала:

9. Фраза про ступеньки известна матери.

Зачеркнула.

Это ничего не доказывало.

Написала ниже:

Неизвестно:

Зачем.

Одно слово.

Пока самое большое.

Телефон зазвонил.

Павел.

Вера несколько секунд смотрела на экран, прежде чем ответить.

— Вы что-то забыли?

— Это я хотел спросить.

— Что?

— Папку.

Вера посмотрела на пассажирское сиденье.

Там действительно лежала коричневая папка с надписью «ЛАВРОВЫ».

— Черт.

— Вот и я удивился. Вы же все замечаете.

— Я верну.

— Вы далеко уехали?

— Два квартала.

— Тогда возвращайтесь.

Вера завела машину.

Когда через пять минут Павел открыл дверь, он уже курил.

— Я думал, вы специально.

— Зачем?

— Чтобы посмотреть дома.

— Если бы хотела, не вернулась бы через пять минут.

Она протянула папку.

Павел взял, но дверь не закрыл.

— Зайдете?

— Мы вроде закончили.

— Я кое-что вспомнил.

Вера посмотрела на него.

— Про Сергея?

— Про мать.

Она снова вошла.

На кухне ничего не изменилось, только появилась пепель-

ница.

Павел сел, но папку не убрал.

— Вы спросили, рассказывала ли мать про его детство.

— Да.

— Я вспомнил одну вещь.

Вера достала блокнот.

Павел сразу поморщился.

— Можно хоть иногда просто слушать?

— Можно.

Она положила ручку.

— Говорите.

Он некоторое время собирался.

— Когда мне было лет двенадцать, я нашел дома старую коробку с фотографиями.

— Семейными?

— Да. В основном маминими. Молодость, свадьба, отец. Я тогда как раз начал фотографией увлекаться. Все подряд смотрел.

— И?

— Я спросил, почему Сергея нигде нет.

Вера почувствовала, как внимание становится острее.

— Что она ответила?

— Что фотографии потерялись при переезде.

— Каком?

— Вот этого я не помню.

— Вы переезжали?

— Мы — нет.

— До вашего рождения?

— Возможно.

— Что-нибудь еще?

Павел покачал головой.

— Тогда меня устроило.

— А сейчас?

— Сейчас я думаю: если она придумала Сергея, зачем ей вообще понадобилось делать его своим сыном?

Очень хороший вопрос.

Вера ответила честно:

— Не знаю.

— Вы думаете, она была частью всего этого?

— Я пока даже не знаю, что такое «все это».

— На компьютере же есть файлы.

Вера посмотрела на него.

— Откуда вы знаете про компьютер?

Павел замер.

— Марина сказала.

— Когда?

— Вчера вечером звонила.

Вера не удивилась.

Люди, которые еще два дня назад не знали о существовании друг друга, уже обменивались информацией.

Это было неизбежно.

И потенциально вредно.

— О чем вы говорили?

— О Сергее.

— Михаиле.

Павел поморщился.

— Вот видите. Уже и вы.

— Я специально.

— Очень смешно.

— Что именно рассказала Марина?

— Что у вас есть какой-то файл про него.

— Еще?

— Что он жил с ней семь лет. Что помогал ее сыну. Что потом исчез.

— Вы ей рассказали про ДНК?

Павел посмотрел в сторону.

Ответ был очевиден.

— Да.

— Зачем?

— А почему нет?

— Потому что теперь ее воспоминания будут меняться под влиянием вашей информации.

— Вы серьезно?

— Совершенно.

— То есть нам нельзя разговаривать?

— Я не могу запретить.

— Но хотели бы.

— До того, как соберу независимые версии, — да.

Павел рассмеялся.

— Великолепно. Нас всех обманывал один человек, а теперь вы хотите рассадить нас по разным комнатам, чтобы мы случайно не договорились.

— Я хочу понять, что каждый знал до похорон.

— А если мы уже поговорили?

— Тогда часть информации потеряна.

— Потеряна?

— Для исследования — да.

Павел покачал головой.

— Вы иногда говорите о людях как о документах.

Вера не ответила.

Марина вчера сказала почти то же самое.

Только другими словами.

Павел заметил ее паузу.

— Что?

— Ничего.

— Опять.

— Вы хотели рассказать про мать.

Он помолчал.

— Да.

Потом неожиданно спросил:

— А у вас есть брат?

— Нет.

— Сестра?

— Нет.

— Тогда вам сложнее объяснить.

— Попробуйте.

Павел посмотрел на семейную фотографию на стене.

— Я вчера после вашего ухода думал про этот тест.

— Почему вчера? Вы знали результат пять лет.

— Потому что раньше вопрос был закрыт.

— Как?

— Просто закрыт.

Он пожал плечами.

— Есть Сергей. Есть бумажка. Бумажка говорит, что Сергей мне не родной. Ну и что?

— Для большинства людей это не «ну и что».

— Я знаю.

— Поэтому спрашиваю.

Павел потер ладонями лицо.

— Когда я получил второй результат, я хотел ему сказать.

— Но не сказали.

— Позвонил. Даже договорился встретиться.

— Где?

— В баре возле его дома.

— Под каким именем он тогда жил?

Павел посмотрел раздраженно.

— Для меня — под нормальным.

— Продолжайте.

— Мы сидели. Он рассказывал какую-то ерунду про машину. Я смотрел и думал: вот сейчас положу бумагу на стол.

— Она была с вами?

— В кармане.

— И?

— Потом за соседним столом парень начал орать на девушку.

Вера ждала.

— Сергей повернулся. Сначала просто смотрел. Потом тот ее толкнул.

— Сергей вмешался?

— Конечно.

Павел усмехнулся.

— Он всегда вмешивался туда, куда его не просили.

— Что произошло?

— Подошел. Ничего особенного. Поговорил. Парень сел обратно.

— Убедил?

— Не знаю. Сергей умел делать так, что человеку казалось: продолжать будет слишком утомительно.

— И это помешало вам показать тест?

— Нет.

Павел задумался.

— Когда он вернулся, спросил: «Ты чего такой кислый?»

Я сказал: «Да ничего».

Он: «Деньги опять?»

Я: «Нет».

Он посмотрел и говорит: «Тогда что-то серьезное».

Павел замолчал.

— И?

— Я спросил: «Если выяснится, что мы с тобой вообще не родственники, что изменится?»

Вера медленно подняла глаза.

— Прямо так?

— Прямо.

— Что он ответил?

Павел улыбнулся.

Не весело.

— «Для кого?»

Вера ничего не сказала.

— Я говорю: «Для меня».

Он сказал: «Это тебе решать».

— И все?

— Нет.

Павел провел пальцем по краю папки.

— Я спросил: «А для тебя?»

— Что он сказал?

— «Поздно».

В кухне стало тихо.

— Поздно что?

— Я тоже спросил.

Сергей сказал: «Поздно переставать быть братом».

Вера почувствовала, как по спине прошел холодок.

Не из-за мистики.

Из-за простоты ответа.

— Вы показали ему тест?

— Нет.

— Почему?

Павел посмотрел прямо на нее.

— Потому что понял: он знает.

— Что знает?

— Что мы не родные.

— Это можно понимать иначе.

— Можно.

— Может, он просто ответил гипотетически.

— Можно.

— Может, подозревал.

— Можно.

— Павел.

— Что?

— Мне нужны не выводы. Мне нужно, что было.

— Вот что было.

Он встал.

Открыл верхний шкаф.

Достал бутылку воды.

— После этого я тест выбросил.

— Но сегодня показывали.

— Выбросил оригинал первого. Потом жена нашла копию в документах. Второй оставил.

— Почему сделали второй, если разговор уже был?

— Второй был раньше.

— Понятно.

Павел налил воду.

— Самое смешное, что после разговора я думал: когда-нибудь он сам расскажет.

— Не рассказал.

— Нет.

— Вы не спрашивали снова.

— Нет.

— Значит, вас устраивала неопределенность.

Павел посмотрел на нее поверх стакана.

— Нет.

— А что тогда?

— Меня устраивал брат.

Вера записала эту фразу уже не в блокнот.

В голове.

— Вы говорили, Сергей помог вам с зависимостью.

— Да.

— После этого вы больше не играли?

Павел усмехнулся.

— Если бы.

— Срывы?

— Два.

— Он знал?

— Оба раза.

— Как реагировал?

— Первый — орал. Второй — вообще ничего.

— Ничего?

— Приехал. Сел. Спросил, сколько.

Я сказал.

Он заплатил.

— И все?

— Потом неделю жил у меня.

— Зачем?

— Чтобы я не сбежал.

— От кого?

Павел посмотрел на нее.

— От себя, наверное.

Он допил воду.

— Вы все деньги ищете.

— В том числе.

— Вот вам деньги.

— Что?

— Он заплатил за мои долги. Несколько раз. Вернул мне долю дачи. Помог детям.

— Почему «вернул»?

Павел замер.

— Что?

— Вы сказали «вернул мне долю дачи».

— Отдал.

— Нет. Сказали «вернул».

Он раздраженно поставил стакан.

— Оговорился.

— Возможно.

— Да господи.

Вера не продолжила.

Но отметила.

— У вас есть ощущение, что Сергей что-то был должен вашей семье?

Павел посмотрел резко.

— Откуда?

— Я спрашиваю.

— Нет.

Слишком быстро.

— Павел.

— Нет.

— Вы сейчас врете.

— Не начинайте.

— Я не обвиняю.

— Именно это и делаете.

Он отошел к окну.

Вера ждала.

Иногда молчание работает лучше следующего вопроса.

Через полминуты Павел сказал:

— Был один разговор с матерью.

— Когда?

— Перед смертью.

— Вы были один?

— Да.

— О чем?

— Она уже плохо себя чувствовала. Я сидел у нее. Сергей должен был приехать.

Мама спросила, не обижаюсь ли я на него.

— Почему вы должны были обижаться?

— Я тоже спросил.

— И?

— Она сказала: «Он тебе больше дал, чем должен».

Вера почувствовала легкое движение внутри.

— Точная формулировка?

— Насколько помню.

— Что ответили?

— Спросил: «А что он мне должен?»

— Она?

— Сказала: «Ничего».

— И все?

— Потом Сергей пришел.

— Они говорили наедине?

— Да.

— Вы слышали?

— Нет.

— После смерти матери он отказался от доли дачи.

— Да.

— Через несколько месяцев.

— Да.

Вера записала.

Павел заметил.

— Не надо делать из этого долговую расписку.

— Я пока ничего не делаю.

— Делаете.

— Тогда объясните сами.

— Не могу.

— Вот поэтому я и записываю.

Он сел обратно.

— Вы думаете, мать его наняла?

Вера не ожидала такой прямоты.

— Не знаю.

— Чтобы он был моим братом?

— Это звучит абсурдно.

— Спасибо.

— Но ноутбук Александра содержит описание созданных биографий.

Павел замер.

Вера впервые сказала ему это настолько прямо.

— Созданных кем?

— Не знаю.

— Для чего?

— Не знаю.

— А вы мне говорите не разговаривать с Мариной.

— Именно потому, что не знаю.

Павел медленно сел.

— В файле Сергея есть я?

Вера не ответила сразу.

Была.

Но гораздо меньше, чем в файле Михаила — Марина и Антон.

— Есть.

— Мать?

— Есть.

Павел побледнел.

— Что написано?

— Я пока не готова пересказывать документ целиком.

— Вера.

— Павел.

— Это моя мать.

— Поэтому я не хочу выдергивать строку из контекста.

— Что там про нее?

Он впервые повысил голос.

Вера смотрела спокойно.

— Что Валентина Петровна является основным подтверждающим лицом семейной истории Сергея Лаврова.

Павел не двигался.

— Каким лицом?

— Подтверждающим.

— Это значит, она знала?

— Похоже.

— «Похоже»?

— Я не знаю, кто составил файл. Не знаю, что означала терминология в конкретный период. Но если понимать слова буквально — да.

Павел встал.

Прошел до окна.

Вернулся.

Снова сел.

— Значит, она всю жизнь мне врала.

— Не торопитесь.

— Что тут не торопиться?

— Мы пока не знаем зачем.

— Какая разница?

— Большая.

— Для вас.

— Для вас тоже.

Он резко ударил ладонью по столу.

Не сильно.

Скорее от невозможности куда-то деть руки.

— Вы только что сказали, что мать двадцать лет участвовала в каком-то спектакле, где этот человек играл моего брата.

— Я сказала не это.

— А что?

— Что документ описывает ее как подтверждающее лицо.

— Великолепно. Намного лучше.

Вера промолчала.

Павел смотрел на фотографию матери на стене.
— Она его любила.
— Похоже.
— Не «похоже». Любила.
— Хорошо.
— Она называла его сыном.
— Да.
— Он ее называл мамой.
— Да.
— Тогда какого черта?
Вера не могла ответить.
Павел несколько раз прошелся по кухне.
— Может, он был усыновлен.
— Возможно.
— Почему тогда ДНК не совпало бы.
— При усыновлении и не должно.
Он остановился.
Впервые за разговор в его лице появилось облегчение.
— Вот.
— Но в официальных документах должно что-то остаться.
— В восьмидесятых?
— Не обязательно доступное вам, но да.
— Значит, это может быть.
— Может.
— Тогда зачем эти «легенды»?
— Не знаю.

Облегчение исчезло.

Вера добавила:

— И почему Сергей появляется на фотографиях вашей семьи только примерно с вашего семилетнего возраста, тоже пока неясно.

Павел закрыл глаза.

— Вы умеете успокаивать.

— Это не моя работа.

Он почти рассмеялся.

Потом неожиданно сказал:

— Хотите увидеть одну вещь?

— Конечно.

— Она у меня в гараже.

— Что?

— Велосипед.

Вера посмотрела на него.

— Тот самый?

— Нет. Я не сумасшедший, чтобы хранить детский велик сорок лет.

Он впервые за долгое время улыбнулся нормально.

— Подождите.

Через несколько минут Павел вернулся с металлической коробкой.

Старой.

Похожей на коробку из-под инструментов.

Поставил на стол.

Внутри лежали разрозненные вещи:

медали;

значки;

часы;

несколько писем;

брелок;

старые ключи.

Павел достал маленький складной нож.

— Сергей подарил мне лет в десять.

— И?

— Ничего.

Следом — металлический свисток.

— Велосипед.

— Что?

— Когда учил ездить, свистел, если я слишком далеко уходил.

Вера смотрела.

— Почему вы это храните?

Павел пожал плечами.

— Хлам.

— Обычно люди не хранят хлам сорок лет.

— Вы храните?

— Я — профессионально.

— Вот.

Он копался дальше.

Достал конверт.

— А это нашел сегодня ночью.

Внутри была открытка.

На лицевой стороне — заснеженный Кремль.

Вера открыла.

Несколько строк.

«Павлу — не давай бросить плавание. Он ленится, но вода ему нужна. Летом попробуем велик без боковых колес. С.»

Дата на почтовом штемпеле:

1983 год.

Павлу было около восьми.

— Кому адресовано?

— Маме.

— Откуда отправлено?

Вера посмотрела.

Ленинград.

— Сергей там был?

— По семейной версии — учился.

— Где?

— Не знаю.

— Почерк его?

— Да.

Вера сфотографировала открытку.

Это был первый физический документ, подтверждавший существование Сергея в семье Павла примерно с того периода, когда начинались его собственные отчетливые воспоми-

нания.

Не раньше.

— Другие есть?

— Может быть.

— Найдите все.

— Хорошо.

Вера перевернула открытку еще раз.

В тексте не было ничего особенного.

Плавание.

Велосипед.

Восемь лет.

Но именно такие мелочи делали историю убедительной.

Если легенду действительно создавали, тот, кто ее создавал, понимал людей значительно лучше любого фальсификатора документов.

Поддельный паспорт доказывает имя.

Открытка про велосипед доказывает жизнь.

— Павел.

— Что?

— Если ваша мать знала, что Сергей не ее сын…

Он напрягся.

— Допустим.

— И если Сергей знал…

— Допустим.

— Тогда два человека десятилетиями поддерживали одну историю.

— Да.

— Но после смерти вашей матери ему больше не нужно было этого делать.

Павел посмотрел на нее.

— Что вы имеете в виду?

— Он мог исчезнуть.

— Он и исчезал иногда.

— Совсем.

— Не исчез.

— Продолжал быть вашим братом.

— Да.

Вера положила открытку на стол.

— ДНК-тест вы сделали спустя почти двадцать лет после смерти вашей матери.

— Да.

— После этого он знал или подозревал, что вы выяснили правду.

— Да.

— И все равно ничего не изменилось.

Павел сел напротив.

— К чему вы ведете?

Вера посмотрела на него.

— Пока ни к чему.

— Нет. Сейчас ведете.

Она подумала.

— Я пытаюсь понять границу.

— Какую?

— Где заканчивается роль.

Павел молчал.

— Если Сергей изначально действительно появился в вашей семье по какой-то причине, — продолжила Вера, — эта причина рано или поздно должна была исчезнуть.

— А он остался.

— Да.

— Поэтому?

— Поэтому мне нужно понять, кем он был после того, как ему уже не нужно было кем-то быть.

Павел смотрел долго.

Потом неожиданно спросил:

— Вы хотите знать, был ли он мне настоящим братом?

— Да.

— Был.

Ответ прозвучал сразу.

— Даже если все детство придумано?

— Да.

— Даже если ваша мать участвовала?

— Да.

— Даже если Сергей знал?

— Да.

— Почему?

Павел посмотрел на открытку.

— Потому что настоящий — это не про то, как человек

появился.

Он поднял глаза.

— Это про то, остался ли он, когда мог уйти.

Вера ничего не записала.

Впервые с начала расследования ей показалось важнее просто запомнить.

Уже в машине она открыла ноутбучный файл Сергея на копии, сохраненной на внешнем диске.

Нашла:

Валентина Петровна Лаврова.

Строк было немного.

Основное подтверждающее лицо. Информирована.

Личная мотивация высокая.

После 1989 контроль не требуется.

Модель устойчива самостоятельно.

Вера перечитала последнюю строку.

Модель устойчива самостоятельно.

Как будто речь шла о конструкции.

Но в 1989 году Павлу было около четырнадцати.

После этого никто уже не контролировал историю.

А Сергей оставался братом еще десятилетия.

Вера прокрутила ниже.

Там была короткая запись, добавленная значительно позже:

После смерти В.П. статус связи с П.Л. оставить на усмотрение оператора.

Решение: сохранить.

Всего одно слово.

Сохранить.

Она вспомнила:

«Поздно переставать быть братом».

Теперь это звучало иначе.

Вера закрыла файл.

До сих пор она считала биографии Александра ложью, которая каким-то образом стала слишком сложной.

Впервые ей пришла в голову противоположная мысль.

Возможно, ложью было только начало.

Все остальное люди сделали настоящим сами.

Глава 8. Хронология

К вечеру следующего дня стена в кабинете Веры перестала быть стеной.

Она начала с четырех листов формата А3, прикрепила их малярной лентой над столом, потом добавила еще два, потому что места не хватило.

По верхнему краю шли годы.

Ниже — имена.

Сергей Лавров.

Андрей Грачев.

Михаил Орлов.

Игорь Мельников.

Андрей Соколов.

Самого Александра Ратникова Вера вынесла отдельно.

Пока у него была самая короткая линия.

Официальная.

Дата рождения — 1958.

Регистрация.

Квартира.

Налоговые данные.

Пара старых мест работы.

Последние годы жизни.

Чистая, аккуратная биография.

Слишком аккуратная.

Вера провела под ней черную линию.

Другие рисовала цветными.

Сергей — синим.

Михаил — зеленым.

Андреи — двумя оттенками красного, пока не станет понятно, один это человек или две разные легенды.

Игорь — желтым.

Сначала линии почти не пересекались.

Так выглядело удобнее.

Сергей появлялся в начале восьмидесятых в семье Павла.

Андрей Грачев — подтвержденно в начале девяностых в Тульской области.

Михаил Орлов — с 2001 года в Калининграде.

Игорь Мельников — по словам Бориса Корнеева, с 2003 года в Москве.

Андрей Соколов — примерно с 2010-го.

Если смотреть издалека, можно было представить последовательность.

Одна роль закончилась.

Другая началась.

Человек переехал.

Сменил документы.

Вошел в новую жизнь.

Так бывало.

Не часто, но бывало.

Проблема начиналась, когда Вера приближалась к стене.

Сергей не заканчивался в девяностых.

Павел видел его и в 2001-м.

И в 2003-м.

И в 2007-м.

И позже.

Михаил в это время жил с Мариной.

Игорь Мельников, если верить Корнееву, работал в Москве.

А Андрей Грачев продолжал звонить Тамаре Ильиничне и приезжать к ее семье.

Вера провела линии дальше.

Они налезли одна на другую.

Еще через полчаса стена стала похожа на схему транспортных маршрутов города, спроектированного человеком, который ненавидел пассажиров.

Вера отошла к двери.

Посмотрела.

Потом вернулась и написала в центре:

ОДИН ЧЕЛОВЕК?

Подчеркнула дважды.

Телефон лежал на столе.

Борис Корнеев обещал позвонить после шести.

В 18:07 экран загорелся.

— Вера Андреевна?

Голос был низкий, немного хриплый.

— Да. Борис?

— Денис сказал, вы про Игоря спрашиваете.
— Да.
— А зачем?
— Он умер.
Пауза.
— Игорь?
— Человек, которого вы знали под этим именем.
— Когда?
— Несколько дней назад.
— Господи.
Вера услышала, как Борис шумно выдохнул.
— Я его лет десять не видел.
— Где вы познакомились?
— На работе.
— Название компании помните?
Борис засмеялся.
— Я там семь лет жизни оставил. Конечно помню.
Он назвал небольшую консалтинговую фирму.
Вера записала.
— Игорь кем работал?
— Формально — директор по развитию.
— А фактически?
— А фактически делал все, что никто другой не мог.
— Например?
— Договаривался.
— С кем?

— Со всеми.

— Клиенты?

— Клиенты. Поставщики. Чиновники. Банки. Если была проблема, ее отдавали Игорю.

— У него было образование?

— Наверное.

— Вы видели диплом?

— Нет.

— Трудовую?

— Я не отдел кадров.

— Когда он начал работать?

— В марте 2003-го.

Вера посмотрела на зеленую линию Михаила.

— Точная дата?

— Могу уточнить.

— Уточните, пожалуйста.

— Зачем такая точность?

— Потому что в это время он, возможно, жил в другом городе.

Борис помолчал.

— В смысле?

— Пока не хочу создавать вам версию заранее.

— Денис говорил, вы странная.

— Спасибо.

Борис рассмеялся.

— Хорошо. Я посмотрю.

— Он работал полный день?
— Конечно.
— Часто ездил?
— Да.
Вот оно.
Вера взяла ручку.
— Куда?
— Калининград, например.
Ручка остановилась.
— Часто?
— Довольно. У нас там был клиент.
— В какие годы?
— Две тысячи третий, четвертый. Потом реже.
Вера медленно посмотрела на зеленую линию.
Появилось объяснение.
Не полное.
Но первое.
Игорь мог официально работать в Москве и регулярно ездить в Калининград, где существовал как Михаил.
— Сколько он проводил в Москве?
— По-разному.
— Неделями?
— Да.
— А в Калининграде?
— Тоже мог зависнуть.
— Семья у него была?

— Он говорил, что разведен.
— Детей?
— Нет.
Вера записала.
— Где жил в Москве?
Борис назвал район.
— Снимал?
— Кажется.
— У вас сохранились документы?
— У компании давно другие владельцы. Может, архив.
— Можно запросить?
— Попробую.
— Фотографии?
— Я вам одну уже прислал через Дениса.
— Есть еще?
— Конечно. Корпоративы, поездки.
Вера почувствовала почти физическое облегчение.
Фотографии имели даты.
— Нужны все, где можно установить время.
— А что вы ищете?
Вера посмотрела на стену.
— Сейчас — физическую возможность.
— Чего?
— Быть Игорем Мельниковым.
Борис засмеялся.
— Он точно был.

— Я не спорю.

— Тогда не понимаю.

— Я тоже.

Они говорили еще минут десять.

Игорь не просил денег.

Не рассказывал почти ничего о семье.

Иногда пропадал.

Мог внезапно уехать.

Но это соответствовало работе.

— У него была странность, — сказал Борис под конец.

— Какая?

— Он никогда не оставался на общих фотографиях один.

Вера нахмурилась.

— Не понял.

— Если фотографировались группой — пожалуйста. Если просили отдельно — отказывался.

— Почему?

— Говорил, ненавидит фотографироваться.

— Но групповых много.

— Да.

— А документы?

— Что документы?

— На пропуск, кадровая фотография.

— Наверное.

— Нужна.

Борис вздохнул.

— Вы точно не полиция?

— Точно.

— Жаль. С полицией хотя бы понятно, зачем люди задают такие вопросы.

После звонка Вера продлила желтую линию Игоря до 2009 года.

Еще одно пересечение.

Теперь она знала как минимум три имени, которые существовали одновременно.

Но существовать на бумаге — не значит проживаться ежедневно.

Человек мог быть Сергеем для Павла один раз в месяц.

Михаилом для Марины — остальное время.

Игорем — на работе.

Сложно.

Но возможно.

Если обладать хорошей памятью.

Если иметь подходящую работу.

Если не путать телефоны.

Если не забывать, какой матери ты сын, какой женщине муж и в каком городе сегодня у тебя другое отчество.

Вера написала на отдельном листе:

Версия: параллельные социальные роли.

Ниже:

Проверить логистику.

Через двадцать минут пришло сообщение от Бориса.

Шесть фотографий.
Вера скачала оригиналы.
Первая — корпоратив летом 2003 года.
Вторая — деловая встреча.
Третья — Новый год.
Четвертая — поездка в Нижний Новгород.
Пятая — Калининград.
На ней Игорь стоял возле гостиницы.
В свойствах:
18 июля 2003.
Это ничего не меняло.
Наоборот, подтверждало.
Он действительно ездил туда по работе.
Вера открыла фотографии Марины.
Нашла снимки за лето 2003-го.
Один — пляж.
Другой — ресторан.
Еще несколько без точных дат.
Она написала Марине:
«У вас сохранились оригинальные цифровые фотографии 2003–2004 годов? Не сканы. Файлы с камеры.»
Ответ пришел почти сразу.
«У Антона могут быть. Зачем?»
Вера:
«Нужны точные даты.»
Марина:

«Я ему позвоню.»

Через полчаса позвонила сама.

— Он нашел диск.

— Хорошо.

— Там около двухсот фотографий.

— Отлично.

— Для вас, может быть.

— Можно загрузить?

— Он сейчас скинет мне. Потом я вам.

Вера посмотрела на стену.

— Марина, у Михаила в две тысячи третьем была работа, связанная с Москвой?

— Нет.

— Вы уверены?

— Он иногда ездил.

— Куда?

— В Москву тоже.

— Как часто?

— Раз в месяц, наверное.

— На сколько?

— Дня на два-три.

— А летом?

— Так же.

— Был случай, когда отсутствовал долго?

Марина задумалась.

— Весной точно был. Недели две.

— Еще?
— В октябре, кажется.
— Вы помните отпуск летом?
— Конечно.
— Когда?
— В июле.
— Числа?
— Поэтому вы фотографии и просите?
— Да.
Марина помолчала.
— Мы были на Куршской косе.
— Сколько дней?
— Неделю.
— Михаил все время был с вами?
— Да.
— Уверены?
— Вера, мы жили в одном номере.
— Хорошо.
— А что?
— Пока ничего.
— Терпеть не могу, когда вы так говорите.
— Я знаю.
— Вы что-то нашли на него в Москве?
Вера решила не скрывать.
— Человека, который утверждает, что Михаил под другим именем работал там полный день.

Тишина.
— В две тысячи третьем?
— Да.
— Это невозможно.
— Может быть.
— Не «может быть». Невозможно.
— Именно это я проверяю.
Марина резко сказала:
— Тогда вы плохо проверяете. Он жил со мной.
— Я не сомневаюсь в ваших воспоминаниях.
— Уже сомневаетесь.
— Я сомневаюсь в хронологии.
— Он завтракал со мной почти каждое утро.
— Почти?
Марина замолчала.
Вера сразу пожалела о вопросе.
— Простите.
— Нет. Правильно.
Голос стал холоднее.
— Не каждое. Ездил.
— Вот поэтому нужны даты.
— Я пришлю.
Разговор закончился.
Вера подошла к окну.
Ночью город превращался в простую систему.
Окна.

Дороги.

Светофоры.

Человек либо находился здесь, либо нет.

Прошлое было сложнее только потому, что переставало сопротивляться.

Его можно было рассказывать, как угодно, пока не появлялась дата.

Вера любила даты.

Дата не помнит.

Не обижается.

Не защищает умерших.

Не любит.

Она просто существует.

Телефон завибрировал.

Архив от Марины.

Вера загрузила.

Сто восемьдесят три файла.

Большинство действительно сохранили метаданные старой цифровой камеры.

Она сортировала по дате.

Июнь.

Июль.

Август.

На экране появлялся Михаил.

Дома.

На пляже.

В ресторане.
С Антоном.
С Мариной.
Иногда один.
Чаще с другими.
Вера сравнивала с желтой линией Игоря.
Пока все укладывалось.
Москва.
Калининград.
Москва.
Калининград.
Сложный график.
Но самолет существовал уже тогда.
Телефон тоже.
Никакого чуда.
Она почувствовала разочарование.
И тут поймала себя на этом.
Почему она хочет невозможности?
Потому что невозможность давала новую структуру.
А обычная двойная жизнь оставляла только человеческую грязь.
Она закрыла фотографии.
Почти.
Последний файл в папке был подписан автоматически.
IMG_0241.JPG
Дата:

14 сентября 2003, 16:42.

Михаил стоял с Антоном возле школьного стадиона.

Мальчик держал в руках футбольный мяч.

На заднем плане табличка школы.

Калининград.

Вера посмотрела на дату.

Что-то зацепило.

Она открыла фотографии Бориса.

Первая деловая встреча.

14 сентября 2003.

Москва.

Вера выпрямилась.

Время:

18:05.

Она несколько секунд смотрела на цифры.

Калининград — 16:42.

Москва — 18:05.

Разница час двадцать три.

С учетом часового пояса?

В 2003-м оба города жили по разному времени? Вера не была уверена.

Даже если нет — самолет не поможет.

Она открыла первую фотографию.

Михаил.

Лицо отчетливо.

Светлая куртка.

Антон рядом.
Потом вторую.
Игорь.
Темный костюм.
Переговорная.
Лицо тоже видно.
Это могло быть разное время камеры.
Неправильные настройки.
Такая ошибка была обычной.
Вера почти расслабилась.
Нужно сравнить соседние снимки.
Она посмотрела последовательность файлов Марины.
16:39.
16:42.
16:47.
Стадион.
Солнце.
Антон.
Михаил.
У Бориса:
17:52.
18:05.
18:17.
Офис.
Те же люди.
Игорь.

Времена могли быть неправильными в обоих наборах.

Дата — тоже.

Но шанс уменьшался.

Вера написала Борису:

«14 сентября 2003. Что было?»

Он ответил через десять минут:

«Воскресенье. Встреча с немцами. Почему?»

Вера проверила календарь.

14 сентября 2003 действительно было воскресеньем.

Спросила:

«Вы уверены, что фото сделано в тот день?»

«На 100%. Я из-за этой встречи годовщину свадьбы пропустил. Жена до сих пор помнит лучше меня.»

Вера посмотрела на калининградский снимок.

Написала Марине:

«14 сентября 2003. Что за фотография у школы?»

Ответ:

«Футбольный турнир Антона.»

«Дата точная?»

Пауза.

Потом:

«Да. Финал районного турнира. У меня диплом должен быть.»

Вера не писала дальше.

Через несколько минут Марина прислала фотографию бумажного диплома.

Дата.

14 сентября.

Антон Орлов.

Калининград.

Вера встала.

Подошла к стене.

На зеленой линии поставила точку.

14.09.03 — Калининград.

На желтой:

14.09.03 — Москва.

Соединила вертикальной чертой.

Посмотрела.

Вот она.

Первая физическая невозможность.

Пока только одна.

И все еще объяснимая ошибкой.

Фотография в Москве могла быть сделана раньше или позже.

Борис мог ошибиться.

Метаданные могли измениться.

Кто-то мог отсканировать старый снимок и присвоить новую дату.

Никакого вывода.

Только точка проверки.

Вера открыла московскую фотографию в редакторе.

Качество было выше, чем казалось.

Она увеличила.

Игорь стоял чуть сбоку.

Правая рука на столе.

На мизинце — небольшое искривление.

Вера вспомнила фотографии Михаила.

Нашла стадион.

Увеличила.

Правая рука лежала на плече Антона.

Тот же палец.

Она резко отодвинулась от компьютера.

Это все еще ничего не доказывало.

Она повторила себе вслух:

— Ничего.

Комната не ответила.

Вера позвонила человеку, который занимался сравнением фотографий.

— Артем?

— Да.

— Я вам отправлю еще два файла.

— Еще?

— Да.

— У вас там что, человек размножается?

Вера промолчала.

Артем засмеялся.

— Извините. Что проверить?

— Один ли мужчина.

— Качество?
— Хорошее.
— Пришлите.
— И отдельно руки.
— Руки?
— Правая кисть. Мизинец.
— Хорошо.
— И метаданные файлов.
— Это уже не ко мне.
— Я знаю. Просто сохраните оригиналы.

После звонка Вера открыла ноутбук Александра.

Папка:

Орлов_М.

Потом:

Мельников_И.

Она раньше не читала ее целиком.

Теперь прокрутила до сентября 2003-го.

Записи были короткими.

М.О. — семейный блок устойчив.

И.М. — активная фаза.

Конфликт присутствия: 14.09.

Решение: дубль М.О. / дальняя дистанция / лицо не фиксировать.

Вера перестала дышать.

Перечитала.

Еще раз.

Конфликт присутствия.

14 сентября.

Она открыла фотографию со стадиона.

Михаил стоял рядом с Антоном.

Дальняя дистанция?

Нет.

Средний план.

Лицо видно.

Или ей кажется?

Вера увеличила.

Качество старой камеры размывало детали.

Мужчина похож.

Очень.

Но после прочитанной строки она уже не доверяла себе.

Она проверила московское фото.

Там лицо видно значительно лучше.

Значит, если запись означает то, что кажется, настоящий Александр должен был быть в Москве как Игорь.

А на стадион отправили другого человека.

Дублера.

Вера снова посмотрела на семейную фотографию.

Марина была уверена, что это Михаил.

Антон наверняка тоже.

Но мог ли похожий мужчина постоять рядом с ними несколько минут?

Не заметили бы?

Если заранее подготовить.
Если снять издалека.
Если не разговаривать много.
Абсурд.
Но файл буквально содержал слово:
дубль.
Вера открыла другие записи.
Поиск:
дубль.
Двадцать три совпадения.
Она почувствовала, как в груди появляется холод.
дубль С.Л.
дубль А.Г.
дальний кадр
подтверждение присутствия
визуальный контакт исключить
замена допустима
Двадцать три.
Не случайность.
Не один экстренный случай.
Система.
Она подошла к стене.
Под пятью именами написала крупно:
ДВОЙНИКИ?
Потом подумала.
Зачеркнула вопросительный знак.

Не потому, что уже была уверена.

Потому что именно это предстояло проверить.

Телефон снова зазвонил.

Артем.

Слишком быстро.

— Вы уже посмотрели?

— Да.

— И?

— Вы хотите хорошую новость или плохую?

— Факт.

— На московском и калининградском снимке не один человек.

Вера не сразу поняла смысл.

— Что?

— Мужчины похожи. Очень. Возраст близкий. Типаж. Но разные.

Она опустилась на стул.

— Насколько уверены?

— По этим файлам процентов девяносто.

— Почему?

— Ухо другое. Линия роста волос. И палец.

— Мизинец?

— Да. На московском старый перелом. На калининградском нет.

Вера посмотрела на два изображения.

— А остальные фотографии, которые я присылала рань-

ше?

— Там веселее.

— Что значит?

— Большинство — один и тот же мужик.

— Александр?

— Как хотите называйте. Основной объект один.

— А часть?

— Похоже, минимум еще два похожих человека.

— Насколько похожих?

— Достаточно, чтобы на плохой фотографии родственник сказал: «Ну да, это он».

Вера не ответила.

Артем продолжил:

— Но вживую близкий человек должен заметить.

— Если увидит лицо.

— Конечно.

— А если человек далеко, в движении, несколько минут?

— Тогда можно.

— Спасибо.

— Вера.

— Да?

— Вы чем занимаетесь?

Она посмотрела на стену.

Пять имен.

Пересекающиеся линии.

Две точки одного дня.

— Пытаюсь понять примерно то же самое.

После разговора Вера еще долго сидела.

Раньше проблема выглядела так:

один человек каким-то образом проживал несколько жизней.

Теперь становилось хуже.

Кто-то заранее понимал, что однажды эти жизни потребуют присутствия в двух местах одновременно.

И подготовил для этого других людей.

Значит, параллельные биографии не возникли случайно.

Их проектировали.

Вера взяла красную ручку.

На точке **14.09.03** написала:

Игорь — настоящий.

Рядом:

Михаил — дубль.

Потом остановилась.

Слово «настоящий» показалось неправильным.

Она его зачеркнула.

Написала:

Александр физически присутствует здесь.

Так было точнее.

Она посмотрела на зеленую линию Михаила.

Если 14 сентября вместо него на стадион пришел другой человек, значит, Марине и Антону иногда показывали подделку не биографии.

Подделку самого человека.

И кто-то был настолько уверен в системе, что оставил об этом запись.

Вера открыла общий каталог файлов.

Сверху висела папка, которую она еще не трогала.

DUBLE.

До этого она решила, что это технические копии документов.

Теперь название читалось иначе.

Она открыла.

Внутри было семь фотографий мужчин.

Без фамилий.

Только номера.

D1.

D2.

D3.

…

Некоторые отдаленно напоминали Александра.

Двое — пугающе сильно.

Вера открыла первый профиль.

Возраст.

Рост.

Размер одежды.

Особенности лица.

Навыки.

Города.

Доступность.

И строка:

Использовать исключительно для визуального подтверждения. Прямой разговор с близким кругом запрещен.

Вера закрыла файл.

Подошла к стене.

До сих пор она пыталась понять, кто из людей на похоронах ошибался.

Теперь ответ становился неприятно простым.

Возможно, никто.

Ошибаться им помогали профессионально.

Глава 9. Два Александра

Утром Вера распечатала семь фотографий из папки **DUBLE**.

Не потому, что бумага могла сказать больше экрана.

Просто на бумаге людей было сложнее принять за файлы.

Она разложила снимки на столе.

D1.

Мужчина лет пятидесяти, худощавый, короткая стрижка. Издалека действительно похож. Вблизи — слишком узкое лицо.

D2.

Сходство хуже.

D3.

Почти никакого.

D4.

Вот этот был опасен.

Та же линия волос.

Похожая форма носа.

Чуть заметная асимметрия губ.

Если посадить рядом — разные люди.

Если увидеть мельком в дверях — возможно.

На D6 Вера задержалась дольше всего.

Он не просто напоминал Александра.

Он выглядел так, будто кто-то сначала составил список

наиболее заметных черт Ратникова, а потом нашел человека, у которого совпала большая их часть.

Возраст близкий.

Рост.

Телосложение.

Посадка головы.

Даже волосы седели примерно одинаково.

Вера положила рядом траурный портрет.

Несколько секунд смотрела.

Потом перевернула D6 лицом вниз.

Слишком рано начинать угадывать.

На ноутбуке оставалось значительно больше информации.

У каждого профиля были параметры.

Рост. Вес. Размер обуви. Размер одежды. Цвет глаз. Водительские навыки. Иностранные языки. Курение.

У некоторых — дополнительные пометки.

D2 — левая рука доминирующая. Не использовать в бытовых сценах.

D4 — голос существенно отличается. Только визуальный контакт.

D6 — высокий уровень совпадения. Допустимо краткое общение при предварительной подготовке.

Вера перечитала последнюю строку.

Предварительная подготовка.

Чего?

Фраз?

Манеры?

Легенды?

Она открыла раздел D6 полностью.

Фамилии не было.

Только:

Олег / D6.

Год рождения.

Телефон отсутствовал.

Последняя отметка — больше десяти лет назад.

В разделе «использование»:

М.О. — 3

С.Л. — 2

И.М. — 0

А.Г. — 1

То есть одного и того же двойника использовали для нескольких биографий Александра.

Вера сделала пометку.

Если файлы были настоящими, версия нескольких независимых людей рассыпалась.

Не существовало четырех мужчин, каждый из которых жил собственной жизнью.

Существовал один основной человек.

И несколько тех, кого иногда ставили на его место.

Она уже собиралась закрыть профиль, когда увидела еще одну строку:

Особая отметка: шрам на правой кисти отсутствует.

При открытых руках не использовать.

Вера посмотрела на свою красную пометку на стене.

Мизинец.

Вот зачем Артем обратил внимание на руки.

Не просто индивидуальный признак.

Похоже, это знали и те, кто организовывал подмены.

Телефон зазвонил.

Артем.

— Вы сегодня работаете?

— Уже.

— Тогда приезжайте.

— Зачем?

— Вы мне прислали слишком много фотографий, чтобы я объяснял по телефону.

— Когда?

— Через час.

— Буду через сорок минут.

— Я сказал через час.

— Тогда подожду двадцать.

Он отключился.

Артем работал в помещении, которое меньше всего напоминало место для анализа фотографий.

Два компьютера.

Старый диван.

Электрический чайник.

На подоконнике засыхал кактус.

На стене висел огромный портрет какого-то мужчины, разрезанный сеткой из точек и линий.

— Маньячная атмосфера, — сказала Вера.

Артем не поднял головы.

— Поэтому клиентам нравится.

— Что нашли?

— Доброе утро.

— Доброе.

— Кофе?

— Нет.

— Вы всегда такая?

— Когда мне звонят и говорят приехать — да.

Он повернул монитор.

На экране были фотографии Александра.

Много.

Те, что Вера собрала у Марины.

Снимки Павла.

Корпоративные фотографии Дениса.

Архив Тамары Ильиничны.

Несколько кадров из ноутбука.

Артем указал на группы.

— Я их разложил условно.

— По людям?

— Именно.

— Сколько?

— Уверенно — трое. Возможно, четверо.

Вера присела ближе.

— Основной?

— Вот.

На экране загорелись десятки снимков.

Разные годы.

Разный вес.

Возраст.

Прически.

Но один человек.

— Это Ратников?

— Я понятия не имею, как его зовут. Но это один мужчина.

— Насколько уверенно?

— С учетом качества части материала — очень.

— От восьмидесятых до последних лет?

— Почти.

Вера посмотрела.

— То есть старые фотографии Сергея…

— В основном он.

— Михаила?

— В основном он.

— Андрея?

— В основном он.

— Игоря?

— Там вообще почти без дублей. Качество снимков хорошее.

Артем щелкнул мышкой.
Вторая группа.
Семь фотографий.
— Этот парень.
— D6.
Артем посмотрел на нее.
— Уже знаете?
— Да.
— Тогда зачем я вам?
— Для независимой проверки.
— Очень приятно.
Он показал два снимка.
— Это тот самый стадион.
— Знаю.
— И еще вот.
Семейный праздник.
Павел прислал его ночью.
Большой стол на даче.
Александр стоял у дальнего края кадра.
Лицо слегка смазано.
— Это тоже D6?
— Скорее всего.
Вера увеличила дату.
2004 год.
— Павел считал, что в тот день Сергей был с ними.
— На фотографии был другой человек.

— Это не одно и то же.

Артем посмотрел на нее внимательнее.

— Да.

Вера почувствовала раздражение.

— Что?

— Ничего.

— Вы сейчас хотели сказать что-то.

— Хотел спросить: вы уже начали говорить как эти люди?

— Какие?

— Которые различают человека и его присутствие.

Она промолчала.

Артем переключился.

Третья группа.

D4.

Фотографий было всего три.

— Этот использовался редко.

— Почему думаете, что использовался?

— Потому что все три снимка устроены одинаково.

— Как?

— Человек далеко от камеры. Нет контакта с близкими. Лицо частично закрыто или повернуто. То есть задача не «быть кем-то». Задача «попасть в кадр».

Вера смотрела.

— Подтверждение присутствия.

— Да.

— Именно так это называется в файлах.

Артем перестал двигать мышью.

— Каких файлах?

Вера поняла, что сказала лишнее.

— Архивных.

— Вера.

— Что?

— Я второй день анализирую для вас людей, которых кто-то подменял на семейных фотографиях. Если там есть инструкция, как именно это делали, мне хотелось бы знать.

— Там есть инструкции.

— И вы молчали?

— Я хотела сначала получить независимый результат.

Артем смотрел несколько секунд.

— У вас очень тревожное понимание научного метода.

— Зато работает.

— Что в инструкциях?

Она пересказала кратко.

Визуальное подтверждение.

Прямой разговор запрещен.

Дальняя дистанция.

Конфликт присутствия.

Артем медленно откинулся на стуле.

— Ладно.

— Что?

— До этой минуты я думал, что у вас просто семья с очень странными развлечениями.

— Уже нет?

— Уже нет.

Он вернулся к снимкам.

— Тогда вот это интереснее.

На экране появилась фотография начала девяностых.

Та самая, которую принесла Тамара Ильинична.

Деревянный дом.

Несколько взрослых.

Дети.

Андрей Грачев.

— Это кто?

— Основной.

— Уверены?

— Да.

— Значит, настоящий Александр был там.

— Если хотите его так называть.

Вера отметила.

— А вот другой снимок примерно через два месяца.

Групповая фотография возле больницы.

Вера ее раньше не видела.

— Откуда?

— На обороте одного вашего скана была ссылка на фотоальбом. Я попросил вас прислать всю папку, помните?

— Да.

— Вот оттуда.

Он приблизил мужчину в заднем ряду.

— Дубль.

— Какой?

— D4 или очень похожий.

— Почему?

— Ухо, нос, расстояние между глазами.

— Кто рядом?

— Вот это уже вы выясняйте.

Вера посмотрела на остальных.

Медицинский персонал.

Халаты.

Белые шапочки.

Если дата была верной, двойник Александра присутствовал на фотографии коллектива районной больницы.

Не на свадьбе.

Не на случайном семейном празднике.

В официальной социальной среде.

— А основного где-то в этот день видно?

— Не знаю.

— Нужно найти.

— Я фотограф, а не Бог.

— Вы эксперт.

— Еще хуже.

Вера записала дату.

— Есть снимки, где двойник взаимодействует с близкими?

— Вот тут интересно.

Артем открыл еще один кадр.

Марина.

Антон.

Мужчина, которого они считали Михаилом.

Снято со спины.

Он держит руку на плече мальчика.

— Лицо не видно.

— Значит, не определить.

— Почти.

— Что значит «почти»?

Артем увеличил руку.

— Кисть нормальная.

Вера сразу поняла.

— Нет перелома.

— Да.

— Значит, дубль.

— Скорее всего.

— Но он касается Антона.

— И что?

— Это уже близкий контакт.

Артем пожал плечами.

— Со спины. Возможно, минутная сцена.

— Антон должен был видеть лицо.

— Может, видел до этого основного. Потом человек отошел. Потом на его место встал другой. Я не знаю.

Вера смотрела на снимок.

Самое неприятное в хорошей подмене — не то, что человек похож.

А то, что мозг сам завершает работу.

Если Марина знала, что рядом стоит Михаил, она не проверяла ухо.

Если Антон видел знакомую куртку, походку и силуэт, ему не приходило в голову задавать вопрос:

тот ли это человек?

Подмена существовала не только за счет двойника.

Она существовала за счет доверия окружающих.

— Можно определить, меняли ли людей на видео?

— Если найдете видео.

— Найду.

Артем засмеялся.

— Вы опасный клиент.

— Почему?

— Потому что считаете отсутствие материала временным неудобством.

— Обычно так и есть.

Он вернулся к основной группе фотографий.

— Но я бы на вашем месте не слишком увлекался дублерами.

— Почему?

— Потому что они объясняют меньше, чем кажется.

— Например?

Артем выбрал два десятка снимков.

— Вот Михаил.
Фотографии из жизни с Мариной.
Кухня.
Море.
Дача.
Больница.
День рождения.
— Это основной человек.
Следующие.
— Сергей.
С Павлом.
С матерью.
На даче.
За столом.
— Тоже основной.
Еще.
— Андрей.
Тамара.
Семья.
Больница.
— Основной.
— Игорь?
— Основной.
Артем повернулся к Вере.
— Двойники закрывали дырки.
— Конфликты присутствия.

— Если хотите.

— Но сами жизни…

— Жил один человек.

Это прозвучало значительно хуже, чем Вера ожидала.

Пока существовала версия нескольких мужчин, можно было разделить загадку.

Сергей — один.

Михаил — другой.

Игорь — третий.

Организация просто заставляла их выглядеть одинаково.

Сложно, но структурно понятно.

Теперь выходило:

основную массу отношений действительно прожил один мужчина.

Он сидел с Антоном в больнице.

Он спасал Павла от зависимости.

Он лечил сына Тамары.

Он работал с Борисом.

Двойники всего лишь помогали ему иногда быть там, где физически быть не получалось.

— Есть способ доказать, что основной объект на разных фотографиях один и тот же человек, кроме лица?

— Есть набор признаков.

Артем открыл таблицу.

— Старый перелом пятой фаланги справа.

— Мизинца.

— Да. Повреждение левой брови. Небольшое.

Вера приблизила.

— Шрам?

— Похоже.

— Еще.

— Вот здесь ухо.

Он показал.

— Форма завитка достаточно характерная.

— Зубы?

— На некоторых снимках видно. Есть особенность резца.

— Рост?

— Плавает из-за обуви, возраста, перспективы. Но примерно один.

— А почерк?

— Не ко мне.

— ДНК?

— Если есть биоматериал.

— У Павла есть два теста.

— Сравнивали с кем?

— С Сергеем.

— Тогда у вас, возможно, есть лабораторный профиль.

Вера посмотрела на него.

— Можно сравнить с Ратниковым после смерти?

— Если есть законный образец.

— Вряд ли.

— Тогда нет.

Она подумала о медицинских документах Александра.

О диагнозе.

О больницах.

Теоретически биоматериал мог сохраняться.

Практически доступ к нему был другой историей.

Пока фотографии давали достаточно.

— Артем.

— М?

— Если специально подбирать двойника, насколько сложно найти такого похожего человека?

— Сейчас?

— Тогда. В девяностых, двухтысячных.

Он задумался.

— Очень сложно, если вам нужен близкий дублер. Проще, если нужен человек для фотографии издалека.

— Но D6 достаточно похож.

— Да.

— Значит, его искали специально.

— Или повезло.

— В нескольких городах?

— Откуда я знаю.

Вера посмотрела на семь профилей.

— Они не в нескольких городах случайно. В файлах прописана доступность.

Артем присвистнул.

— Вы все интереснее рассказываете.

— Не уверена, что мне нравится слово «интереснее».

— А мне да.

Он открыл папку D6.

— Если это организованная система, у нее должны быть более ранние фотографии этих людей без связи с вашим Александром.

— Зачем?

— Чтобы понять, существовали ли они сами.

Вера не сразу поняла.

— Вы думаете, профили двойников тоже могут быть легендами?

— Вы пришли ко мне с человеком, у которого пять имен. Я уже ничему не удивляюсь.

Хороший вопрос.

Кто был D6?

Просто похожий мужчина, которого нанимали?

Или еще одна созданная личность?

— Лица можно поискать по старым открытым базам, — сказал Артем. — Выпускники, спортивные архивы, газеты. Если найдется реальный человек до всей этой истории, проще.

— Сделаете?

Он посмотрел на нее.

— Нет.

— Почему?

— Потому что у меня есть работа.

— Я заплачу.

— Тогда сделаю.

— Спасибо.

— У вас очень эффективная система переговоров.

— Мне тоже так говорили.

Она замолчала.

Фраза зацепила чем-то.

Кто-то уже говорил об Александре:

умел договариваться.

Еще одна слишком универсальная черта.

Вера собрала распечатки.

У двери Артем окликнул:

— Вера.

Она повернулась.

— Что?

— Вы понимаете, что самое странное?

— Выберите из списка.

Он показал на экран.

— Обычно двойник нужен человеку, который хочет выглядеть так, будто он где-то был.

— Да.

— У вас наоборот.

— Не понимаю.

— Основной человек действительно жил в этих жизнях. Дублеры нужны только для редких пересечений.

— И?

— Это слишком дорого и сложно ради того, чтобы поддерживать обычную ложь.

Вера посмотрела на него.

— Что вы называете обычной ложью?

— Любовница. Вторая семья. Работа на стороне. Все, что люди обычно скрывают.

— Возможно, цель была важнее.

— Именно.

— Какая?

Артем улыбнулся.

— Вы же за это деньги получаете.

— Спасибо.

Она вышла.

К вечеру Вера знала о двойниках меньше, чем утром.

Но о системе — больше.

Она внесла в хронологию отдельные обозначения.

Круг — подтвержденное присутствие основного человека.

Треугольник — вероятный дубль.

Квадрат — невозможно установить.

Линии изменились.

И сразу стало видно:

двойники встречались редко.

На десятки подтвержденных появлений Александра приходилось несколько подмен.

Это означало главное.

Он не передавал чужим людям собственные жизни.

Он действительно их проживал.

Вера стояла перед стеной.

Синий Сергей тянулся через десятилетия.

Зеленый Михаил семь лет шел рядом.

Желтый Игорь существовал параллельно.

Красные Андреи вспыхивали в других местах.

И все эти линии большей частью принадлежали одному телу.

Она написала:

Версия 2: несколько людей.

Провела рядом красный крест.

Ниже:

Основной субъект — один.

Подмены — вспомогательные.

Потом долго смотрела на формулировку.

«Субъект».

Опять язык файлов.

Она зачеркнула.

Написала:

Большую часть времени это был он сам.

Так было честнее.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Марины.

«Антон вспомнил кое-что про тот футбольный матч. Позвони мне.»

Вера набрала сразу.

— Что?

— Добрый вечер тоже.

— Простите. Добрый вечер. Что он вспомнил?

Марина говорила напряженно.

— Тот день. Когда на фотографии, как вы сказали, был не Михаил.

— Я не говорила вам, что там другой человек.

— Не говорили. Но после всех ваших вопросов я догадалась.

Вера промолчала.

— Антон сказал, что Михаил действительно почти не разговаривал.

— Почему?

— Сказал, сорвал голос.

Вера почувствовала, как пальцы сжали телефон.

D6 — голос существенно отличается?

Нет.

Это было у D4.

Она быстро открыла профиль D6.

Допустимо краткое общение при предварительной подготовке.

Голос не указан.

— Еще?

— Был в кепке. Темные очки.

— В сентябре?

— Было солнце.

— Еще?

— Ушел сразу после награждения. Сказал, нужно в аэропорт.

Вера записывала.

— Антон ничего не заметил?

— Нет.

Марина помолчала.

— И теперь мучается.

— Почему?

— Потому что спрашивает себя, как можно не заметить, что рядом с тобой другой человек.

Вера закрыла глаза.

— Скажите ему, что это нормальная реакция.

— Откуда вы знаете?

— Потому что мы не проверяем знакомые лица каждый раз, когда их видим.

— То есть любой мог бы?

— Нет. Но если все вокруг подтверждает, что перед вами Михаил, мозг не начинает сравнивать форму уха.

— Антон сказал почти то же самое.

— Что именно?

— Он не смотрел на Михаила.

— Почему?

— Потому что смотрел на поле.

Простейший ответ.

И самый убедительный.

Подмена не требовала идеального двойника.

Требовала правильной ситуации.

— Марина.

— Да?

— Вы когда-нибудь встречали людей, которые были друзьями Михаила, но которых он представлял только один раз?

— Конечно.

— Много?

— Не знаю.

— Теперь нужно вспомнить.

— Зачем?

— Потому что двойников кто-то подбирал, инструктировал и отправлял.

Марина молчала.

— Значит, была организация?

Вера посмотрела на стену.

— Похоже.

— И вы до сих пор не знаете зачем.

— Нет.

Марина тихо сказала:

— Тогда, может, перестаньте искать, что он украл.

— Почему?

— Потому что семь лет он слишком много тратил сил на то, чтобы ничего у меня не взять.

После разговора Вера вернулась к ноутбуку.

В папке DUBLE она впервые открыла не профили людей, а служебный файл:

REGULATION_2

Дата создания — 1996 год.

Текст был коротким.

Не руководство целиком.

Скорее набор правил.

Дубль не формирует отношения.

Дубль не сообщает новую информацию.

Дубль не принимает решений от лица оператора.

Использование допускается только для сохранения непрерывности подтверждаемой биографии.

Вера перечитала последнюю строку.

Сохранение непрерывности подтверждаемой биографии.

Вот что они делали.

Не скрывали двойную жизнь.

Не создавали алиби.

Они следили, чтобы биография выдерживала проверку.

Она прокрутила ниже.

Последний пункт:

Если для поддержания модели требуется регулярное использование дубля, модель считается неустойчивой и подлежит закрытию.

То есть двойник был аварийным инструментом.

Не основой.

Вера открыла свойства документа.

Автор:

GA

Она уже знала эти инициалы.

Глеб Арсеньев.

Она записала имя рядом с фотографией мужчины из 2014 года.

Теперь Глеб был связан не только с одной версией Михаила.

Он писал правила, по которым поддерживали сразу несколько чужих жизней.

Вера откинулась на стуле.

До сих пор можно было считать Александра центральной загадкой.

Теперь становилось ясно:

Александр был только самым заметным элементом.

За ним существовали люди, которые планировали расстояния, фотографии, встречи, двойников и даже то, насколько убедительной должна быть чужая биография.

Вера подошла к стене.

Над всеми именами написала одно слово:

СИСТЕМА.

Потом ниже:

Для кого?

И еще ниже:

Зачем человеку нужна биография, которую прихо-

дится подтверждать профессионально?

Вопрос показался наконец правильным.

Потому что люди обычно скрывают прошлое.

Здесь его, наоборот, создавали.

Глава 10. Не частное дело

На следующий день Вера не поехала к Александру.

Впервые с похорон.

Она осталась дома и открыла собственный архив.

Не семейный.

Рабочий.

За двенадцать лет у нее накопилось почти восемь терабайт чужих жизней.

Большинство клиентов разрешали хранить копии материалов после завершения работы — обезличенно или в закрытом виде. Фотографии, метрические записи, письма, выписки из архивов, схемы родства.

Вера никогда не думала об этой коллекции как о чем-то целом.

Каждый заказ существовал отдельно.

Семья Громовых.

История дома на Остоженке.

Письма семьи Беловых.

Исчезнувший дед Корниловых.

Дело Крыловых, где предполагаемый прадед оказался совершенно посторонним человеком, случайно попавшим на три семейные фотографии и прожившим в памяти семьи почти семьдесят лет.

Теперь именно этот случай пришел ей в голову первым.

Она открыла папку.

Не потому, что ожидала увидеть Александра.

Просто вспомнила, насколько легко чужой человек становится частью семейной истории, если его лицо достаточно долго лежит в одном альбоме с родственниками.

На снимках были застолья семидесятых.

Дачи.

Машины.

Мужчины в майках.

Женщины в ситцевых платьях.

Александра не было.

Вера закрыла.

Следующая папка.

Потом еще одна.

Через двадцать минут она остановилась.

Что она делает?

Поиск по тысячам фотографий глазами был бессмысленным.

Нужен признак.

Она посмотрела на распечатку с лицом Александра.

Шрам у левой брови.

Правый мизинец.

Форма уха.

Но компьютер не умел искать по сломанному мизинцу среди плохо отсканированных снимков.

Зато часть архивов Вера когда-то прогоняла через распо-

знавание лиц.

Не для слежки.

Для группировки.

Когда в коробке лежит восемьсот фотографий и клиент не знает, кто на них изображен, автоматическое объединение похожих лиц экономит недели.

Она открыла программу.

Загрузила несколько наиболее четких снимков Александра.

Система построила шаблон.

Поиск совпадений в локальной библиотеке?

Вера нажала:

Да.

Появилась полоска прогресса.

Осталось приблизительно сорок семь минут.

Вера пошла варить кофе.

На кухне телефон завибрировал.

Сообщение от Павла:

«Нашел еще открытки. Скину вечером.»

Следом Марина:

«Антон спрашивает, можно ли ему самому с вами поговорить.»

Вера ответила:

«Да. Пусть напишет удобное время.»

Денис прислал фотографию какого-то бейджа Андрея Соколова.

Все продолжали искать.

Это происходило уже без нее.

Еще три дня назад эти люди не знали друг друга.

Теперь каждый разбирал собственную жизнь, пытаясь найти места, где Александр мог быть кем-то другим.

Вера поняла неприятную вещь.

Расследование начинало распространяться.

Она уже не контролировала порядок появления информации.

Именно этого она всегда старалась избегать.

Но остановить было невозможно.

Она вернулась к компьютеру.

Тридцать два процента.

Второй монитор показывал стену хронологии, которую Вера сфотографировала перед уходом из кабинета.

Пять имен.

Она уже знала, что их больше.

В ноутбуке Александра были другие папки.

Но пока Вера сознательно не открывала их все.

Если сразу прочитать двадцать готовых биографий, она получит ответы раньше вопросов.

А ответы, найденные в чужой системе классификации, почти всегда заставляют видеть материал так, как его видел тот, кто систему создал.

Сначала нужно было установить хотя бы несколько жизней независимо.

Иначе она рисковала просто поверить архиву.

Вера посмотрела на прогресс.

Шестьдесят четыре процента.

Позвонила мать.

Она не ответила.

Через минуту пришло:

«Все нормально. Просто хотела узнать, поела ли ты.»

Вера написала:

«Да.»

Это была ложь.

Мелкая.

Бессмысленная.

И от этого почему-то неприятная.

Она пошла сделала бутерброд.

Когда вернулась, поиск закончился.

Найдено 143 потенциальных совпадения.

Вера усмехнулась.

Сто сорок три Александра.

Открыла результаты.

Большая часть отпала сразу.

Схожие мужчины.

Плохое качество.

Полупрофиль.

Возраст.

Несколько фотографий самой Веры программа зачем-то

объединила с пожилой женщиной из архива Громовых.

Надежность технологии быстро вернула ее на землю.

Она выставила порог выше.

Осталось двадцать семь.

Еще выше.

Девять.

Вера открыла первый.

Снимок Дениса.

Уже известный.

Второй — фотография Павла.

Третий — из архива Марины.

Четвертый.

Вера перестала двигать мышью.

Файл находился не в материалах Александра.

Путь:

CLIENTS / ROMANOVS / ORIGINALS / BOX_4 / SCAN_0873

Она знала этот архив.

Работала с ним четыре года назад.

Семья Романовых.

Заказ был простым: восстановить биографию деда клиента, который после войны много лет работал в геологии, а затем внезапно исчез из семейной жизни.

Вера открыла изображение.

Черно-белая фотография.

Хотя сделана значительно позже эпохи черно-белой плен-

ки — вероятно, так напечатали.

Шесть человек возле деревянного дома.

Двое сидят.

Четверо стоят.

Один мужчина с краю — Александр.

Моложе, чем на большинстве нынешних снимков.

Но это был он.

Вера приблизила.

Правое ухо.

Бровь.

Рука почти не видна.

Дата файла ничего не значила — сканирование.

На обороте фотографии существовала отдельная копия.

Вера открыла.

Синие чернила:

«Валдай. 1996. Николай, Леша, Володя, Юрий, Вадим, Костя.»

Шесть имен.

Ни одного Александра.

Вера считала слева направо.

Если подпись соответствовала расположению, Александр был:

Вадим.

Она почувствовала, как внутри все стало очень тихо.

Не потому, что появилось шестое имя.

Имена больше не удивляли.

Проблема была в другом.

Этот снимок находился в архиве, который никак не был связан с Александром.

Ни с похоронами.

Ни с Мариной.

Ни с Павлом.

Ни с Глебом.

Ни с теми, кого Вера нашла после смерти Ратникова.

Фотография четыре года лежала на ее собственном сервере.

И она уже видела ее.

Когда-то.

Вера открыла отчет по проекту Романовых.

Поиск:

Вадим.

Семь совпадений.

Первое:

«На ряде фотографий середины 1990-х присутствует Вадим, фамилия не установлена, вероятно, коллега Николая Романова».

Вера смотрела на собственный текст.

Она сама написала эту строчку.

Четыре года назад.

Тогда мужчина был всего лишь одним из десятков неопознанных людей.

Никто из семьи не интересовался им.

Главной задачей был Николай.

Человек рядом оставался фоном.

Вера открыла рабочие заметки того проекта.

Вадим — встречается 1995–1998. Возможно, «Вадик из Москвы» из письма Н.Р.

Еще одна фотография.

Пикник.

Тот же человек сидит на капоте машины.

Третья.

Большой стол.

Четвертая.

На вокзале.

Вера открывала одну за другой.

Основной человек.

Не дубль.

Она уже почти автоматически различала.

Шрам.

Мизинец.

Посадка головы.

Александр.

Вадим.

Кем он был для Николая Романова?

Вера открыла письма.

Поиск по слову **«Вадик»**.

Первое:

«Вадик опять все устроил, так что в понедельник должны

принять без вопросов».

Второе:

«Если не получится с документами, Вадим сказал пока ничего не подписывать».

Третье:

«Смешно, но дети до сих пор думают, что Вадик твой двоюродный брат».

Вера перечитала.

Медленно.

Потом снова.

Дети до сих пор думают, что Вадик твой двоюродный брат.

Сердце ударило один раз сильнее.

Она открыла письмо полностью.

Автор — женщина по имени Светлана.

Адресат — Николай Романов.

1997 год.

Обычное семейное письмо.

Дача.

Дети.

Деньги.

Чья-то простуда.

И фраза:

«Вадик заезжал в воскресенье, привез Лене книги. Смешно, но дети до сих пор думают, что Вадик твой двоюродный брат. Я не стала объяснять. В конце концов, так даже про-

ще.»

Вера сидела неподвижно.

Так даже проще.

Не:

«они ошибаются».

Не:

«потом расскажем».

А:

так проще.

Она открыла свою старую схему родства Романовых.

Вадима там не было.

Разумеется.

Она работала по документам.

Николай.

Светлана.

Дети.

Настоящие родственники.

Но в фотографиях существовал человек, которого дети считали двоюродным братом их отца.

И взрослые сознательно не исправляли.

Это уже не было случайным совпадением с другим архивом.

Это был тот же механизм, что у Павла.

Только Вера прошла мимо него четыре года назад.

Потому что не задавала правильного вопроса.

Она набрала номер клиента.

Михаил Романов.

Ответил после пятого гудка.

— Вера Андреевна?

— Михаил, добрый день.

— Ничего себе. Сколько лет.

— Четыре.

— Что-то случилось?

— Можно задать несколько вопросов про старые фотографии вашего деда?

— Конечно. Вы же вроде все уже закончили.

— Возникла одна деталь.

— Какая?

Вера посмотрела на снимок.

— Вы помните человека по имени Вадим?

На другом конце стало тихо.

— Какого Вадима?

— Предположительно знакомого вашего деда. На фотографиях девяностых.

— А.

Пауза.

— Дядя Вадик?

Вера почувствовала, как ладонь похолодела.

— Вы называли его дядей?

— Конечно.

— Он был родственником?

— Наверное.

— Каким?

Михаил засмеялся.

— Вы генеалог. Вам виднее.

— В семейном дереве его нет.

— Странно.

— Поэтому спрашиваю.

— Может, не родной. У нас половину друзей родителей дядями называли.

— Вы лично его помните?

— Да.

— Хорошо?

— Не то чтобы. Я маленький был.

— Сколько лет?

— Лет восемь-девять.

— Он часто бывал у вас?

— Иногда.

— Что делал?

— Да ничего. Приезжал. С отцом разговаривал. Дед его любил.

— Он жил в Москве?

— Кажется.

— Фамилию помните?

— Нет.

— Отчество?

— Нет.

— Чем занимался?

Михаил задумался.

— Что-то с документами.

Вера замерла.

— Что именно?

— Не знаю. Я ребенок был. Кажется, помог деду с работой или с квартирой.

— Какой квартирой?

— А вы разве не знаете?

— Напомните.

— Они же тогда переехали.

Вера открыла хронологию Романовых.

1996 год.

Смена адреса.

Раньше это не казалось значимым.

— Откуда?

— Из Петрозаводска в Москву.

— Почему?

— Работа.

— Дед получил новую должность?

— Вроде да.

— Документы оформлял Вадим?

— Не знаю.

— Вы говорите, «что-то с документами».

— Это я помню по разговорам взрослых. «Вадим принес документы», «Вадим договорился». Такое.

— А родители знали, что он вам не родственник?

Михаил рассмеялся.

— Вера Андреевна, вы меня пугаете.

— Почему?

— Вы задаете вопросы про какого-то мужика, которого я лет тридцать не вспоминал, так, будто он преступник.

— Он не преступник. Насколько мне известно.

— Тогда в чем дело?

Она могла сказать:

человек умер.

На его похороны пришли люди, знавшие его под разными именами.

В вашем семейном архиве он тоже есть.

Но после разговора с Павлом Вера стала осторожнее.

Слишком легко одна новая версия перестраивала старые воспоминания.

— Я пытаюсь установить его биографию.

— А зачем?

— Это связано с другим проектом.

— Он жив?

— Нет.

— Понятно.

Михаил помолчал.

— Забавно.

— Что?

— Я почему-то всегда думал, что он умер давно.

— Почему?

— Не знаю. Просто исчез.

— Когда?

— Еще в девяностых, наверное.

Вера открыла фотографии.

Последний снимок — 1998.

— После переезда?

— Некоторое время появлялся. Потом нет.

— Ваш отец с ним общался?

— Не знаю.

— Отец жив?

— Да.

— Можно с ним поговорить?

Михаил сразу стал осторожнее.

— А нужно?

— Очень.

— Он после инсульта. С памятью не всегда хорошо.

— Я не буду давить.

— Я сначала сам спрошу.

— Хорошо.

Вера уже собиралась закончить, но задала последний вопрос:

— Михаил, вы сказали, что дети считали Вадима родственником.

— Ну.

— А вы?

Он помолчал.

— Я тоже.

— Когда узнали, что, возможно, нет?

— Сейчас.

Вера закрыла глаза.

Еще один.

— Вас это беспокоит?

— Должно?

— Не знаю.

Михаил засмеялся.

— Вы странный вопрос задаете.

— Почему?

— Ну был дядя Вадик. Потом перестал приезжать. Я двадцать лет о нем не думал. Если сейчас выяснится, что он не родственник, что изменится?

Вера посмотрела на фотографию.

Николай.

Светлана.

Дети.

Александр.

Все повторялось.

— Ничего, — сказала она.

— Вот.

После звонка Вера не сразу вернулась к поиску.

Она открыла папку проекта целиком.

Почему семье Романовых понадобился человек, которого дети считали родственником?

Переезд?

Новая работа?

Документы?

Пока слишком мало.

Но сам факт был достаточен.

Александр присутствовал в чужом архиве, который Вера собрала за годы до его смерти.

Это означало, что она не искала связи и не могла случайно подогнать материал.

И главное:

известные ей пять биографий оказались не замкнутым набором.

Одна новая появилась практически случайно.

Значит, таких могли быть десятки.

Она вернулась к результатам распознавания.

Пятый снимок.

Еще один неизвестный архив.

Вера почувствовала, как напряглись плечи.

Открыла.

Проект:

KARELINS_2020

Свадебная фотография.

1989 год.

Александра нет.

Ошибка алгоритма.

Шестой.

Тоже нет.

Седьмой.

Она остановилась.

Проект:

MALTSEVS / PERSONAL / DATCHA_1992

На снимке было человек пятнадцать.

Летний стол.

На заднем плане — мужчина, похожий на Александра.

Качество плохое.

Может быть, D4.

Может быть, вообще другой человек.

Вера не стала делать вывод.

Но отметила.

Восьмой результат оказался фотографией из архива самого Ратникова.

Девятый — снова рабочий проект.

На этот раз портрет был четким.

Вера знала эту семью хуже.

Маленький заказ двухлетней давности: нужно было установить происхождение нескольких фотографий.

Александр стоял рядом с женщиной средних лет.

Подпись:

«Ира и Женя, 1999».

Женя.

Седьмое возможное имя.

Вера почувствовала усталость.

Не физическую.

От исчезновения масштаба.

Пять имен еще можно было представить как аномальную жизнь одного человека.

Семь.

Десять.

Двадцать.

Тогда речь уже шла не о человеке.

О профессии.

Она открыла ноутбук Александра.

Общий каталог.

Вчера она сознательно не хотела смотреть все папки.

Теперь причина исчезла.

Ввела команду, выводящую список каталогов первого уровня.

Экран заполнился строками.

AGR_A

BELOV_D

GRACHEV_A

LAVROV_S

MELNIKOV_I

ORLOV_M

ROMANOV_V

Вера замерла.

ROMANOV_V

Открыла.

Вадим Романов. Версия 2.4.

Статус: закрыт.

Период активного сопровождения: 1995–1998.

Основной объект: Н.Р.

Семейный блок: вспомогательный.

Она перечитала.

Вадим был не Романовым в воспоминаниях семьи.

Или, возможно, был.

Фамилия здесь могла означать принадлежность к делу, а не легенду.

Ниже:

Цель модели: подтверждение московского периода Н.Р. до официального переезда.

Вера почувствовала, как внутри складывается кусок конструкции.

Николай Романов переехал в Москву в 1996 году.

Но, судя по файлу, его биография должна была содержать московский период **до** официального переезда.

Зачем?

Она прокрутила.

Вадим — двоюродный родственник по материнской линии.

Контактная история: с 1987.

Реальный контакт установлен: 1995.

Вера прочитала второй раз.

Контактная история: с 1987.

Реальный контакт: с 1995.

Восемь лет прошлого были созданы задним числом.

Вот оно.

Не просто роль в настоящем.

Не просто брат Павла.

Человеку создавали историю отношений, существовавшую раньше знакомства.

Дети должны были считать Вадима старым родственником.

Соседи — возможно, знать, что он давно знаком с семьей.

Документы и письма — подтверждать связь.

Так формировалось прошлое.

Вера прокрутила дальше.

Фраза:

Фотоматериал ретро: 4 комплекта.

Свидетели внешнего круга: 3.

Контрольные воспоминания подготовлены.

Она закрыла глаза.

Контрольные воспоминания.

Разбитое окно Сергея.

Велосипед.

Истории матери Павла.

То, что казалось слишком маленьким, чтобы придумывать.

Именно это они и придумывали.

Вера встала.

Подошла к стене.

До сих пор в центре было написано:

СИСТЕМА.

Ниже:

Для кого?

Теперь рядом она написала:

НЕ ДЛЯ АЛЕКСАНДРА.

Отступила.

Все его биографии были построены вокруг других людей.

Сергей — вокруг семьи Павла.

Михаил — первоначально неизвестно вокруг кого, хотя отношения с Мариной стали самостоятельными.

Вадим — вокруг Николая Романова.

Значит, Александр не был главным объектом этих историй.

Он был инструментом.

Вера вернулась к каталогу.

Сколько папок?

Она выгрузила список.

Шестьдесят восемь.

Не все обязательно были биографиями.

Но названия повторяли структуру.

Имя.

Инициал.

Версия.

Статус.

Шестьдесят восемь.

Вера посмотрела на цифру.

Даже если половина относилась к техническим проектам, масштаб был другим.

Она набрала Глеба Арсеньева.

Номер у нее был из найденного файла.

Раньше звонить она не хотела.

Слишком рано.

Теперь — пора.

Гудок.

Второй.

Третий.

Ответили на четвертом.

— Да.

Голос спокойный.

Мужской.

Возраст определить сложно.

— Глеб Арсеньев?

Пауза.

— Кто спрашивает?

— Вера Левина.

Тишина.

Не длинная.

Но достаточная.

— Я знаю, кто вы.

Вера сжала телефон.

— Откуда?

— Александр рассказывал.

Первое прямое подтверждение.

— Мне нужно с вами встретиться.

— Нет.

Ответ прозвучал без раздражения.

Просто как решение.

— Почему?

— Потому что вам пока нечего у меня спрашивать.

Вера посмотрела на список из шестидесяти восьми папок.

— Думаю, уже есть.

— Например?

— Что означает «контрольное воспоминание».

На другом конце ничего не ответили.

— Глеб?

— Я здесь.

— Или «подтверждение московского периода до официального переезда».

Молчание.

— Или почему человек, которого я четыре года назад встретила в совершенно чужом семейном архиве под именем Вадим, лежал позавчера в гробу как Александр Ратников.

Теперь пауза стала длиннее.

Когда Глеб заговорил, голос изменился совсем немного.

Но Вера услышала.

— Вы открыли не то.

— Что именно?

— Все.

— Тогда объясните, что я открыла.

— Не по телефону.

— Значит, встречаемся.

— Я этого не сказал.

— Но уже передумали насчет «нет».

Тихий смешок.

— Александр правильно вас выбрал.

Вера почувствовала раздражение.

— Почему все говорят так, будто я участвую в собеседовании?

— Потому что он долго думал, кому оставить это после себя.

— Что «это»?

Глеб не ответил.

— Сколько было биографий?

— Вера.

— Шестьдесят восемь папок.

— Закройте компьютер.

— Нет.

— Тогда хотя бы ничего не копируйте и никому не показывайте.

— Почему?

— Потому что часть людей в этих папках до сих пор живы.

— И?

— И некоторые из них живы именно потому, что люди вроде вас не знают, кто они.

Вера не сразу ответила.

Это была первая фраза, которая помещала систему в понятную человеческую цель.

Не мошенничество.

Не шпионаж.

Не деньги.

Люди должны были стать кем-то другими, чтобы остаться живыми.

Но пока это была только версия Глеба.

— Завтра, — сказала Вера. — В двенадцать.

— Я не договаривался.

— Где вам удобно?

— Вы плохо слышите слово «нет».

— Хорошо слышу. Просто мне нужны причины.

— Причина первая: это опасно.

— Для меня?

— Не только.

— Вторая?

— Вы пока считаете, что расследуете жизнь Александра.

— А я не ее расследую?

Глеб ответил:

— Нет.

— Что тогда?

Пауза.

— Людей, которых он помог сделать настоящими.

Связь оборвалась.

Вера еще несколько секунд держала телефон у уха.

Потом положила.

На стене под словом **СИСТЕМА** появилась новая строка:

Создание прошлого для других людей.

Она посмотрела на нее.

Почти все начало вставать на место.

Разные имена Александра.

Двойники.

Подтверждающие родственники.

Старые фотографии.

Ложные воспоминания.

Документы.

Все существовало не для того, чтобы спрятать Александра.

Чтобы сделать убедительным кого-то рядом с ним.

Вера вернулась к списку из шестидесяти восьми папок.

До этого она думала, что похороны одного странного человека случайно открыли несколько его жизней.

Теперь стало ясно: похоронили не человека с несколькими биографиями.

Похоронили человека, чьей работой было создавать биографии другим.

И если Глеб говорил правду, где-то сейчас жили люди, для которых часть прошлого была написана тем же способом, ка-

ким обычно пишут легенду к старой фотографии.

Только они, возможно, об этом не знали.

Глава 11. Свидетели

Глеб не перезвонил.

Вера ждала до половины первого следующего дня.

Не потому, что рассчитывала на его вежливость. Просто после их разговора любое действие требовало другого темпа.

До вчерашнего вечера архив состоял из умершего человека и его странных документов.

Теперь в нем появились живые.

Причем, по словам Глеба, некоторые были живы именно благодаря тому, что их прошлое оставалось закрытым.

Эта фраза раздражала.

Слишком удобная.

Так можно остановить любое исследование.

Не трогайте документы — кто-то пострадает.

Не задавайте вопросы — вы не понимаете последствий.

Не проверяйте — вам лучше не знать.

Вера слышала подобное много раз.

Обычно в семейных архивах.

Когда выяснялось, что дед имел вторую семью.

Что ребенок был усыновлен.

Что человек, чью фотографию сорок лет держали на стене, не был отцом.

Тогда тоже говорили:

зачем ворошить.

Ничего уже не изменить.

Пусть умершие останутся такими, какими их помнят.

Вера почти всегда отвечала одинаково:

если вы не хотите знать, это ваше право.

Но неизвестное не перестает существовать только потому, что его решили не открывать.

Сейчас эта формула впервые показалась ей недостаточной.

Потому что раньше неизвестное касалось прошлого.

А здесь, возможно, продолжало действовать.

Она открыла каталог.

Шестьдесят восемь папок.

После разговора с Глебом Вера не открывала новых.

Это решение далось ей тяжелее, чем хотелось признать.

Вместо этого она вернулась к уже известным.

И стала искать не Александра.

Людей вокруг него.

Если система действительно создавала кому-то новое прошлое, должен был существовать момент перехода.

До.

После.

Человек под старым именем.

Потом человек под новым.

Самое раннее дело из тех, что Вера уже видела, относилось к началу восьмидесятых.

Сергей Лавров.

Но файл был составлен позже, часть записей явно перенесена из более старых документов.

Следом — Андрей Грачев.

Начало девяностых.

Там уже существовали врачебная легенда, фотографии, знакомые.

И женщина, которая знала, что имя ненастоящее.

Тамара Ильинична.

Вера посмотрела на телефон.

До сих пор она спрашивала Тамару об Андрее.

Теперь нужно было спросить о человеке, ради которого Андрей мог понадобиться.

Она набрала.

— Да?

— Тамара Ильинична, добрый день. Вера Левина.

— Нашли медицинские бумаги?

— Пока нет.

— Тогда что случилось?

— Можно встретиться?

Женщина ответила не сразу.

— Зачем?

— Мне нужно задать вопросы про начало девяностых.

— Я уже рассказала, что помню.

— Не совсем про Андрея.

Тишина.

— А про кого?

— Я пока не знаю.
— Странный ответ.
— Поэтому и хочу встретиться.
Тамара Ильинична вздохнула.
— Сегодня не могу.
— Завтра?
— Тоже.
— Когда сможете?
— Вера Андреевна.
Голос стал другим.
Не раздраженным.
Закрытым.
— Давайте закончим.
— Почему?
— Потому что я передумала.
— Насчет чего?
— Насчет всего этого.
Вера выпрямилась.
— Что произошло?
— Ничего.
— Вам кто-то звонил?
Пауза.
— Нет.
Слишком быстро.
— Глеб Арсеньев?
Теперь женщина молчала дольше.

— Я не знаю такого человека.

— Тамара Ильинична.

— Вы слышали ответ.

— Слышала.

— Тогда до свидания.

— Подождите.

Вера говорила спокойнее, чем чувствовала.

— Я не собираюсь публиковать ваши данные.

— Дело не во мне.

— А в ком?

— До свидания.

— Вы вчера хотели знать, что из того времени было настоящим.

Несколько секунд ничего.

Потом Тамара тихо сказала:

— Хотела.

— А сейчас?

— Сейчас думаю, что жила спокойно тридцать лет и могла бы еще столько же.

— Что изменилось?

— Вы.

Связь оборвалась.

Вера не стала перезванивать.

Просто записала:

Т.И. изменила позицию после похорон / после контакта?

Под вопросом:

кто-то предупредил?

Она посмотрела на имя Глеба.

Мог.

Но если система существовала до сих пор, предупреждать мог кто угодно.

И это было хуже.

Через два часа Вера уже ехала в Тулу.

Решение было не совсем профессиональным.

Тамара Ильинична ясно дала понять, что не хочет говорить.

Приезжать к человеку после отказа — плохой способ заслужить доверие.

Но Вера ехала не к ней.

Название районной поликлиники сохранилось в старых заметках.

Андрей Грачев работал там в начале девяностых.

Если работал.

Нужно было установить не рассказы пациентов, а сам факт.

Здание оказалось новым.

Старый корпус снесли лет пятнадцать назад.

В регистратуре на вопрос о кадровом архиве пожилая женщина посмотрела на Веру почти с сочувствием.

— Девяносто первый?

— Да.

— Вы еще семидесятый попросите.
— Куда передали?
— Часть в областной архив. Часть у кадровиков.
— Можно узнать по конкретному сотруднику?
— Фамилия?
— Грачев Андрей.
— Отчество?
Вера замолчала.
Она не знала.
В файле оно отсутствовало.
— Примерно тридцать пять лет на тот момент. Терапевт.
Женщина покачала головой.
— Так не ищут.
— Я знаю.
— Тогда зачем спрашиваете?
— Вдруг повезет.
— Здесь не везет.
Она все-таки дала номер отдела кадров.
Там ответили после третьего звонка.
Вера представилась специалистом по частным архивам.
Спросила о сотруднике.
Женщина на другом конце долго шуршала бумагами.
— Грачев Андрей…
— Да.
— Терапевт?
— Да.

— Такого не вижу.
Вера почувствовала ожидаемое удовлетворение.
— Совсем?
— По штатным спискам нет.
— А совместители?
— Сейчас.
Еще шелест.
— Нет.
— Мог работать временно?
— Теоретически.
— Есть приказы?
— Девушка, у нас девяносто первый год.
— Я понимаю.
— Не похоже, чтобы был.
— А фотография коллектива сохранилась?
— Какая фотография?
Вера описала снимок.
— Возможно, юбилей отделения.
— У нас таких сотни.
— Могу прислать?
— Присылайте.
Она отправила.
Через минуту женщина сказала:
— Так.
Пауза.
— Вот это Иван Сергеевич.

— Кто?
— Главврач тогдашний.
— Еще кого узнаете?
— Галину Петровну. Она до сих пор жива.
— Можно контакт?
— Нет.
— Передать ей мой?
— А зачем?
— Хочу спросить про мужчину в заднем ряду.
Женщина замолчала.
— Которого?
— Третий справа.
Еще пауза.
— Это не врач.
— Кто?
— Не знаю.
— Но уверены?
— Он без халата.
Вера увеличила фотографию.
Так и было.
Мужчина стоял в темной рубашке.
Из-за расстояния раньше это почти не бросалось в глаза.
— Тогда почему на фотографии коллектива?
— Я откуда знаю.
— Можно поговорить с Галиной Петровной?
Женщина вздохнула.

— Я ей позвоню. Если согласится, дам ваш номер.

— Спасибо.

— Только не обещаю.

Через сорок минут Вере позвонили с незнакомого номера.

— Это Вера?

— Да.

— Мне Лариса из поликлиники сказала, вы какого-то Андрея ищете.

Голос был старческий, но сильный.

— Да. Вы Галина Петровна?

— Пока да.

Вера улыбнулась.

— Можно задать несколько вопросов?

— Задавайте.

— Вы работали в районной больнице в девяносто первом?

— С семьдесят восьмого по две тысячи шестой.

— Я отправлю вам фотографию. Посмотрите одного человека?

— Отправляйте.

Вера переслала.

Ждала.

— А, — сказала женщина через несколько секунд.

Не «не знаю».

Не «плохо видно».

Именно:

— А.

— Узнали?

— Узнала.

— Кто это?

Галина Петровна помолчала.

— Андрей.

Вера выпрямилась.

— Грачев?

— Фамилию не помню.

— Он работал врачом?

— Нет.

— Но люди считали его врачом.

— Возможно.

— Как это?

— Так.

— Вы можете объяснить?

— Он иногда был у нас.

— Зачем?

— По своим делам.

— Каким?

Галина Петровна засмеялась.

— Вы думаете, я через тридцать пять лет помню чужие дела?

— Пациентов принимал?

— Официально — нет.

— А неофициально?

Тишина.

Вера почувствовала, что попала ближе.
— Галина Петровна?
— Я думаю.
— Хорошо.
— Он в медицине разбирался.
— Был врачом по образованию?
— Не знаю.
— Мог осматривать людей?
— Мог.
— Выписывать лекарства?
— Неофициально все тогда могли слишком много.
— То есть он помогал?
— Да.
— Кому?
— Разным.
— Например Тамаре Ильиничне?
Пауза.
— Вы уже с ней говорили.
Это было не вопросом.
— Да.
— Тогда зачем я вам?
— Мне нужно понять, как Андрей оказался в больнице.
— Привел человек.
— Кто?
Галина Петровна больше не отвечала секунд десять.
— Вы зачем это поднимаете?

Вера почувствовала почти дословное совпадение с тем, чего ожидала.

— Что именно?

— Старое.

— Потому что Андрей умер.

— Знаю.

Вера замерла.

— Откуда?

— Позвонили.

— Кто?

— Неважно.

— Глеб Арсеньев?

Галина Петровна тяжело выдохнула.

— Девушка.

— Мне тридцать девять.

— Для меня девушка.

— Хорошо.

— Вы не понимаете, что поднимаете.

Вот она.

Фраза прозвучала без угрозы.

Скорее устало.

— Тогда объясните.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если человек живет тридцать лет под своим именем, у него уже дети могут не знать другого.

Вера медленно сжала телефон.
— Чье другое имя?
Галина Петровна замолчала.
— Не Андрея?
— Андрей тут вообще ни при чем.
— Тогда кого?
— Я сказала лишнее.
— Вы говорите о человеке, которому помогал Андрей?
Тишина.
— Галина Петровна.
— Да.
— Этот человек сейчас жив?
— Не знаю.
— Он был пациентом?
— Нет.
— Врачом?
— Нет.
— Почему для его новой жизни понадобилась больница?
Женщина почти прошептала:
— Потому что людям нужны свидетели.
Вера закрыла глаза.
Точно.
Не документы.
Свидетели.
— Свидетели чего?
— Что они были здесь раньше.

— Когда их не было.
— Вы слишком быстро понимаете.
— Это плохо?
— Иногда.
— Кто был тот человек?
— Я не скажу.
— Мужчина? Женщина?
— Не скажу.
— Что Андрей должен был подтверждать?
Галина Петровна снова помолчала.
— Что знал его давно.
— Насколько давно?
— Несколько лет.
— Хотя познакомились недавно?
— Да.
Вера записала.
— Для чего понадобилась история с больницей?
— Не помню.
— Помните.
— Я не хочу помнить.
— Это другое.
— Для вас, может быть.
Голос женщины стал жестче.
— А я тогда согласилась. И если сейчас начну вам все пересказывать, получится, будто мое согласие закончилось только потому, что прошло много лет.

— А если человек, которого вы защищали, совершил преступление?

— Не совершил.

— Откуда вы знаете?

— Потому что знаю.

— Так же, как люди на похоронах знали Александра под разными именами?

Галина Петровна замолчала.

Вера поняла, что перегнула.

— Простите.

— Нет.

Голос стал тихим.

— Правильно спросили.

— И?

— Именно поэтому я с вами и не буду говорить.

— Не понимаю.

— Вы сейчас начнете проверять каждого. Потом решите, кто заслуживал помощи, а кто нет.

— А разве это не важно?

— Тогда было важно одно.

— Что?

— Чтобы человек исчез.

— От кого?

— Вот это уже не моя история.

— Кто решил, что ему нужно исчезнуть?

— Не я.

— Андрей?
— Тоже не он.
— Глеб?
Галина Петровна не ответила.
— Александр тогда уже работал с ним?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.